

Е к а т е р и н а Б е л е ц к а я

Проект Сансет
белая книга

С Л Е П О Й С Т Р Е Л О К

Екатерина Витальевна Белецкая

Слепой стрелок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69830707

SelfPub; 2023

Аннотация

"Слепой Стрелок. Этот образ возник отнюдь не случайно, он точнее всего соотносится с тем, что мы наблюдали на самом деле все эти годы. Что же он такое, как он действует, чем руководствуется? Можно попробовать поставить мысленный эксперимент. В центре некоего пространства стоит Слепой Стрелок, и сжимает в руках заряженный дробовик. Он ждет сигнала, например, звонка колокольчика. В некотором отдалении раздается звон, и Стрелок реагирует на него – он принимается стрелять в том направлении, которое показалось ему верным. Важный момент: боезапас у Стрелка неограничен, и стрелять он может столько, сколько ему покажется нужным. Колокольчик смолкает, и Стрелок опускает оружие. До следующего звонка. Что же является результатом его действий? По сути, он создает сложнейшую, состоящую из пока что неизвестного нам количества элементов и компонентов сигнатуру..." (с) Роберта Ольшанская-Соградо, "Братство идущих к Луне"

Содержание

Проект «Сансет»	4
1	5
2	26
3	53
4	75
5	97
6	119
7	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Екатерина Белецкая

Слепой стрелок

Проект «Сансет»

Белая книга, том 1

Слепой стрелок

Я умею рисовать облака.
Как живые – на оконном стекле.
А потом сотрет их чья-то рука,
не оставив облаков даже след.

Так и я – нарисовали, сотрут...
И не вспомнят, и не смогут понять
Я рисую облака – это труд.
И... стирают в это время – меня.

А. Залищук

1

Беззвучие

Ит Соградо, дневниковая запись, «Сансет»
фрагмент

«...мне страшно. Собственно, не только мне, на самом деле страшно нам всем, потому что после Идущих мы стали осознавать не только и не столько масштаб происходящего, но и глубину – потому что до Идущих мы ощущали лишь тени того, что есть Это Всё на самом деле. Да, да, именно так, именно Это Всё – данное определение первым выдал, как это ни странно, Кир, от которого никто из нас подобного не ждал. Конечно, он шутил, но в его словах есть определенный резон. Надеюсь, в моих мыслях он есть тоже.

Острие, вот что мы осознали, когда окончилась эта трагическая история, длившаяся без малого семьдесят лет. Сейчас мы оказались на острие, а последние события, с Идущими, после которых минуло всего два года, повлияли на нас оглушающе сильно, настолько сильно, что мы сами по сей день в замешательстве. Да, мы в замешательстве, хоть и молчим об этом. Мы всем молчим, но порой я случайно замечаю, например, взгляд Берты, какой-то совершенно особый

взгляд, которым она не обладала раньше. Или – я вижу, как беззвучно переговариваются между собой Пятый с Лином, и лица у них в эти моменты, как бы сказать, весьма специфические. Думаю, у нас с рыжим тоже появилось во взгляде это новое нечто, не имеющее пока что определения, но подходить в моменты задумчивости к зеркалу мне категорически не хочется. Потому что – мне страшно...»

Город безмолвствовал. Машина шла сейчас по проспекту, широкому и практически пустому, лишь иногда её обгоняли другие, выглядевшие по-разному, но тоже с антигравитами, снабженные тихими Q-движками. Говорить не хотелось, и только спустя полчаса дороги, уже на подъезде, Берта спросила, ни к кому конкретно не обращаясь:

– А какое население в городе? Сколько тут народу живет? Так мало машин...

– Шесть миллионов в границах Старого города, – ответил вежливый женский голос. – Площадь Старого города на данный момент составляет тысячу шестьсот квадратных километров. Площадь дополнительных территорий...

– Спасибо, – прервала Берта. – Как следует к вам обращаться?

Фэб коротко глянул на неё, и опустил взгляд. Не надо. Пожалуйста, не надо пока. Берта поняла эту немую просьбу, и кивнула.

– Вы можете выбрать любое женское имя, – ответил голос.

– Марфа, – решила Берта. – Вам нравится?

– Прекрасно, – эмоций, впрочем, в голосе не возникло, он остался таким же равнодушно-приветливым. – Для вас я буду Марфой.

– Отлично. Марфа, когда мы приедем? – спросил Саб.

– Осталось восемь минут пути. В черте исторического центра действует ограничение скорости, сорок километров в час, – ответил голос. – Ваши номера ждут вас, всё подготовлено.

– Спасибо, – коротко ответил Фэб, давая понять, что разговор окончен.

– Всегда рада помочь, – голос смолк.

– Это «всегда» не очень обнадеживает, – Эри нахмурилась. – Не люблю, когда за мной подглядывают в душе. Предпочитаю мыться в одиночестве.

– Думаю, этот вопрос мы решим, – улыбнулся Рэд.

Гостиница оказалась старая, небольшая, и располагалась она в двухэтажном доме, стоявшем неподалеку от метро Китай-город. Метро, к общему удивлению, прекрасным образом действовало, о чём перед отъездом машины сообщил всё тот же вежливый женский голос. Когда они забрали вещи, двери машины одновременно закрылись, и она тут же отъехала. Какая-то она никакая, подумалось в тот момент

Иту. Серая, невзрачная, размером с небольшой микроавтобус. Но размер размером, а вот дизайн... Нечто усредненное, безликое, не привлекающее внимание. И – некрасивое. Намеренно, нарочито некрасивая, и при этом безликая, не запоминающаяся и не привлекающая внимания. А чего, собственно, ждать в начальной тройке, которая только-только вошла в Мадженту, и не обзавелась пока что необходимым количеством нужных знакомств, если можно так выразиться? Здесь подобная нарочитость будет в порядке вещей. Не во всех областях, конечно, но в некоторых – обязательно. Покаяние. Смирение. Попытка доказать, что приоритеты сменились. Понимание придет позже, а пока – будут и такие вот машины, и жилье, и многое другое. Знакомая картина. К сожалению, слишком хорошо знакомая. Ит проводил машину взглядом, поднял свой рюкзак, и пошел следом за остальными – Фэб уже стоял у дверей гостиницы, поджидая отставших.

– Потом насмотримся, идёте, – поторопил он. – Давайте сперва решим вопрос с жильем, и сходим прогуляться.

– Дверь деревянная, – с легким удивлением заметила Эри. – Но...

– Тебя что-то смущает? – спросил с интересом Фэб.

– Ну, да. Обычно в четвертках они были какие-то более современные, – заметила Эри.

– Но это не четверка, – покачал головой Фэб. – И потом, даже в четверках полно деревянных дверей. Старинных две-

рей, – добавил он. – Мы просто не бывали там, где они встречаются.

– Бывали, – тут же возразил Лин. – Но некоторые девушки не обратили тогда внимания на двери.

– Молодец, – похвалил Ит. – А говорил, что не умеешь замечать.

– Нет, тут всё-таки как-то странно, – Эри, невзирая на совет Фэба, продолжала оглядываться. – Я помню точь-в-точь такое же место у нас, на Соде. И арку эту помню. Каретная арка, если точно. И окна такие же. Совсем такие же, в других мирах Сонма отличий было больше. Хотя... или это просто ощущение? Не пойму никак, что чувствую.

– Позже пойдем, – пожал плечами Ит. – Фэб, пошли. Сейчас ещё и Бертик зависнет, помани моё слово.

– Я уже, – сообщила Берта. – Метро у нас не было, правда, но вон тот переулок – один в один. Он абсолютно такой же, как на Терре-ноль.

– Идёмте, – снова приказал Фэб. – Время.

Номера удивили. Потому что это были аутентичные номера – именно так про них сказала девушка-горничная, которая провожала новых постояльцев к месту их проживания. Всего номеров взяли пять: одним из условий в договоре пребывания на время исследований на планете значилось проживание исключительно согласно гендеру. Берта и Эри за-

няли один номер, Лин и Пятый второй, Ит и Скрипач третий, Фэб и Кир четвертый, а Саб и Рэд пятый. Коту, разумеется, позволялось бывать везде, поэтому участливая горничная перенастроила все двери согласно пожеланиям кота, который этому обстоятельству слегка удивился, по крайней мере, на горничную Шилд глянул с недоумением. Кажется, его насторожила такая забота о котах. Обычно люди к котам относятся несколько иначе. Прохладнее. К чужим котам, конечно.

Забота о мужчинах рауф, впрочем, тоже удивила – потому что горничная принялась извиняться за потолки, всего три метра высотой, и за кровати, которые являлись новыми. Вежливый Фэб поинтересовался, в чем же проблема, ведь новые кровати их вполне устраивают. Горничная огорченно вздохнула, и пояснила: интерьер гостиницы практически полностью аутентичен, он восстановлен в соответствии с оригиналом, но мужчины рауф слишком высокие, и обычные кровати для постояльцев им не подойдут. Поэтому пришлось на время их пребывания заказать эти, новые, подходящие по размеру. Извините. Нам очень неловко.

– Ну что вы, не стоит беспокоиться, – поспешил утешить горничную Рэд. – Мы всё понимаем, ничего страшного. Не огорчайтесь.

– Простите, а вы не могли бы уточнить один момент, – осторожно начал Кир. – Вы сказали «интерьер восстановлен». Не поясните, что это означает?

Кажется, он попал в десятку – горничная просияла, заулыбалась. А затем подошла к ближайшей двери, и указала на неё.

– Присмотритесь, – сказала она. – Видите? Она всё еще заживает, поэтому можно рассмотреть. Через пару-тройку лет она срастется полностью, но пока что фрагменты видны.

Ит, стоявший ближе всех к двери, всмотрелся – и с удивлением увидел, что дверь, оказывается, состоит из множества деревянных обломков, щепочек, сколов; осколки эти составляли одно целое за счет того, что были покрыты каким-то полупрозрачным материалом, который скреплял их между собой. При этом дверь была вполне функциональной: тяжелая, массивная, с изящной латунной ручкой, снабженной встроенным вполне себе современным замком.

– Любопытно, – сказал он. – То есть вы хотите сказать, что дверь кто-то сломал, а потом её таким образом починили?

– Не починили, – покачала головой девушка. – Дверь была уничтожена, к сожалению. Поэтому её пришлось собирать по фрагментам, восстанавливать, и ставить на её место. Очень жаль, но далеко не со всеми объектами всё заканчивается настолько хорошо. Если что-то сожжено, восстановить гораздо труднее.

– В смысле – восстановить? – не поняла Берта.

– Восстановить – это восстановить. Отыскать, восстановить, и вернуть на место, – пожалала плечами горничная. – За сто двадцать лет удалось неплохо продвинуться, но работы,

к сожалению, предстоит ещё очень много. По расчетам специалистов это займет около пятисот лет. Или больше.

– Вы восстанавливаете двери? – растерянно спросил Кир. Девушка засмеялась.

– Планету, – ответила она. – Мир. Впрочем, думаю, вы скоро всё поймете. У вас подключен проводник, спросите у него. А, простите. У неё. Она все расскажет.

Номер оказался небольшой и симпатичный. Ит скинул с плеча рюкзак, подошел к узкому, выходящему во внутренний дворик, окошку. Чистейшие занавески, на подоконнике ни пылинки. За окном – светлый московский апрель, еще не успевшие одеться в молодую листву деревья, прозрачное небо, и золотистый предвечерний свет.

– Уютно, – заметил Скрипач. – Недешево, но зато уютно. Даже обои, кажется, аутентичные. Они из ткани, видишь?

– Угу, вижу, – рассеянно кивнул Ит. – А ещё здесь тихо. Как-то даже слишком тихо, ты не находишь?

– Ещё как нахожу, – согласился Скрипач. – Понял, что они делают?

– Ну а то. Децентрализация, – Ит вздохнул. – Молодость вспомнил, почти забытую. И ДС-35. В котором центры существовали исключительно культурные, всё же прочее было ровным слоем размазано по всей планете. Равномерно. Чтобы не было потерь во время возможной атаки. Знаешь, ры-

жий, мы столько высоких Маджент перевидали, что вспомнить страшно, но мы почему-то мало задумывались, каким путём и какими усилиями вся эта благодать достигается.

– И благодать ли это, – закончил Скрипач. – Спорно. Маджента штука сложная. Много сложнее Индиго, с его примитивной агрессией и простыми решениями. Там гостиницу никто восстанавливать бы не стал. Сломали бы, и воткнули новую. Дел на две недели, как ты понимаешь.

– О, это да, – согласился Ит. – Вообще, у меня сейчас...

– Неужели у тебя снова странное ощущение? – с деланным удивлением спросил Скрипач. – Если да, то я тебя урою, так и знай. Ты этим словосочетанием довел, кажется, уже всех.

– Нет. У меня ощущение, что мы находимся в темной комнате, у нас для надежности завязаны глаза, и мы собираемся искать на ощупь нечто, о чем не имеем понятия, – признался Ит. – Мы стоим, вытянув руки вперед, и собираемся что-то обнаружить. Имея лишь косвенное представление о том, что это.

– И как мы это сделаем, – Скрипач невесело усмехнулся. – Да, да, да, понятно, что тут могут быть женщины, точнее, следы этих самых женщин, но у нас по сей день нет даже намека на маркеры. Два года пустой болтовни, сотни теорий, а маркеров как ни бывало.

– В том числе и временных, – согласился Ит. – Будем думать. Мы наивные идиоты, рыжий. Мы считали все предыдущие задачи сложными. Так вот, эти предыдущие задачи

были на уровне детского садика. Два плюс два равно четыре. Здесь...

– Итище, вот чего, – строго сказал Скрипач. – Заканчивай демагогию, очень тебя прошу. Сил больше нет. Берем поясные сумки, и пошли к народу. Надо сходить на прогулку, освоиться, перекусить, и потом будем решать, что делать дальше. У меня за два года этих обсуждений уже голова распухла.

Ресторанчик, имевшийся при гостинице, решили оставить на потом. Предупредили, что отлучатся, девушку, сидевшую за стойкой ресепшн, и вышли на тихую улицу. Машин не было, но вот люди всё-таки имелись, пусть и не в привычном московском количестве.

– Есть все хотят, или повременим? – спросила Берта, когда дверь за их спинами беззвучно закрылась.

– Давайте на бульвар, – предложил Фэб. – Поесть можно и попозже. Посидим, поговорим, а потом можно куда-нибудь зайти.

– Согласен, – тут же сказал Пятый. – У нас появилось несколько вопросов.

– Значит, точно бульвар, – Кир усмехнулся. – Вопросы плодятся, как тараканы. Псих, Солнце, вы уже выключили то, что хотели выключить?

– На имитацию переключили, – Скрипач вздохнул. – Как

вы догадываетесь, всякие Марфы и Арфы нам сейчас будут совершенно ни к чему.

...Место, в котором разрешалось курить, обнаружилось неподалеку – стоящие кольцом лавочки с удобными спинками, несколько движущихся пепельниц, и внушительных размеров очиститель, замаскированный под старинную афишную тумбу. Сели. Закурили. Помолчали.

– Какие будут предложения? – осторожно спросил Лин. – С чего-то же надо начинать, да?

– Надо, – кивнул Кир. – Будем начинать, само собой.

– По старой схеме, – пожал плечами Скрипач. – Мы в поле, вы наука...

– Ага, разбежался, – хмыкнул Фэб. – Рыжий, мы теперь все, в некотором смысле, наука. Если, конечно, это в принципе можно назвать наукой. На данном этапе это больше похоже на подбрасывание кубика или гадание на кофейной гуще.

Берта с осуждением глянула на него.

– Фэб, ты опять? – спросила она. – Снова про маркеры? Ты хочешь сказать, что у нас их мало?

– Да, я уже говорил, и повторю ещё раз: у нас их мало. Исчезающе мало. Мы смотрели всё это время только на Россию, а конкретно – на Москву, потому что и ты, и Эри, обе были отсюда родом, и покойная Аделия, но! – Фэб наставительно поднял палец. – Стрелку, с высокой долей вероятности, этого мало. Ему нужна вся планета. Вся, дорогая моя.

Ты сама об этом говорила, разреши тебе напомнить. Поэтому логично будет...

– Начнем с Москвы, – кивнула Берта. – Потом пойдем дальше. Нам нужен доступ к их программе, о которой было сказано на переговорах, поэтому первое – надо каким-то образом этот доступ получить.

– «Грани памяти», – кивнул Саб. – Программа восстановления генофонда. Да, конечно, получим, не сомневайся. Завтра ведь ещё одни переговоры. Вопрос в другом: мы не знаем, попали в эту программу те, кого мы ищем, или не попали, и... И каким образом мы будем определять тех, на кого воздействовал Слепой Стрелок.

– Наверное, они должны быть как мы, – предположила Эри. – Ну, в некотором смысле, как мы. Может быть, они были похожи внешне, или пытались кому-то рассказывать о том, что знали. Хотя бы про черных и рыжих. Ну хоть что-то.

– Малыш, ты не совсем права, – Пятый покачал головой. – Мы про это сто раз говорили. Вы с Бертой похожи, но отнюдь не одинаковые. Аделия и вовсе не была похожа на вас, совершенно другой тип лица, совершенно другой темперамент. Должно быть что-то ещё. Вопрос только, что.

Рэд посмотрел на него, Пятый пожал плечами.

– Не спрашивай, я не знаю, – произнес он. – Рэд, правда. Просто чувствую, что может быть какой-то фактор, который мы не видим.

– На счёт планеты, – Берта задумалась. – Да, мы сто раз

проговаривали этот момент. Да, я сама выдвигала эту теорию. Однако на этот счет у меня есть большие сомнения.

– То есть ты предлагаешь ввести территориальный признак, – Ит хитро глянул на жену. – Ограничиться данной локацией. Уверена?

– Нет, – тут же отозвалась Берта. – Не уверена. Но вспомни наши исследования порталов. И привязки. Все привязки были на этой территории. Это тебе ни о чем не говорит?

– Не-а, – Ит усмехнулся. – Именно из-за исследований порталов. Привязки, может, и были. Но самих порталов, причем работающих, в разы больше. Хайдельберг, США, Дерна...

– Ладно, уел, – призналась Берта. – Ты еще забыл про Китай, и про Мексику.

– Я-то как раз не забыл, – Ит посерьезнел. – Ребята, сколько у нас всего получилось в результате возможных планов? Около сотни? Верно? – Фэб, Берта, и Рэд кивнули. – И уже сейчас видно, что они не будут работать в том виде, в котором мы их строили.

– И что ты конкретно предлагаешь? – спросил Рэд.

– То, что запрашивается. А именно – нужно узнать, насколько далеко в этой тройке сумела пройти их собственная техническая база, – ответил Ит. Фэб удовлетворенно кивнул. – Потому что хотим мы этого, или не хотим, у нас нет иного варианта для поиска. Одно дело – искать кого-то живого. Другое – пытаться найти людей, которые умерли боль-

ше ста лет назад, ориентируясь лишь на предположения. Без сотрудничества нам не обойтись.

– Как бы попробовать уговорить местных поделиться их этой базой с Альтеей, – пробормотала Берта. – Могут и не согласиться. Хотя и Альтея не поможет, если не знает, что именно следует искать.

Фэб и Рэд переглянулись, Рэд едва заметно улыбнулся, Фэб пожал плечами. Берта вздохнула. Понятно, «дипломатический отдел» что-то задумал, но ни Фэб, ни Рэд пока что делиться информацией не собираются. Судя по перемигиваниям, они подобный вариант развития событий предусмотрели, и какой-то план у них уже есть, но ведь не скажут. На этом этапе точно не скажут.

– Тайны мадридского двора, – заметила Эри, которая, конечно, тоже не упустила из вида молчаливый диалог Рэда и Фэба. – Да ну вас на фиг.

– Давайте мы всё-таки посмотрим город, – предложил Скрипач. – По крайней мере, проверим два-три портала. Этот пункт, как вы помните, есть во всех вариантах работы, и лишним не будет точно. Потом можно будет смотаться в Штаты...

– В бывшие Штаты, – поправила мужа Берта. – Само собой, разумеется, смогаемся. Там тоже нужна проверка, надо подтвердить схему, раз уж мы решили отрабатывать теорию полностью.

– А я бы еще пообщалась с этой Марфой, – вдруг сказала

Эри. – Интересно, это интеллектронная система, или что-то другое?

– Чем это ещё может быть, кроме интеллектронки? – пожал плечами Скрипач. – Она и есть. Скорее всего, покупная, маловероятно, что они на этом этапе могут делать что-то своё, настолько масштабное. Ну или своё, но фрагментированное. Посмотрим.

– А почему ты думаешь, что не могут? – удивилась Эри. – Даже в двойках такие вещи вполне себе существуют.

– Такие, да не такие, – хмыкнул Скрипач. – Ты не поняла, кажется, давай поясню. Эта система, в некотором роде, аналог Скивет, но она персонифицирована. А Скивет, как более продвинутый вариант, уже нет. Потому что в продвинутых системах персонификация не используется. Здесь – она представляется, хочет имя, и лезет, куда не звали. Имитация сознания, имитация личности.

– Это может сыграть нам на руку, – заметил Фэб. – Хотя бы потому что правильно заданный вопрос показывает же блоки, например. В Скивет, кстати, ты вполне можешь создать себе подобного помощника, но этого никто не делает, потому что помощник не нужен. И Скивет сам по себе обезличен.

– Как-то странно тут это всё, – Эри задумалась. – Эта система... ммм... она как-то иначе ощущается. Не так, как та же Альтея. Альтею мы, кстати, вполне себе персонифицируем, разве нет?

– Не так, – покачала головой Берта. – Альтернативное сознание не имитирует. И обладать сознанием не может. Мы же говорили с тобой про постулаты Д-т-Канна, и про искусственный интеллект. Канн был ярким противником машинного разума, и его принципы используются практически во всех мало-мальски продвинутых мирах.

– Бертик, давай сегодня обойдемся без лекций, – взмолилась Эри. – Лучше скажи, мы сумеем это как-то использовать?

Берта задумалась, потом кивнула.

– Думаю, да, – ответила она осторожно. – Сперва разберемся, конечно, а потом посмотрим. Очень необычный мир, вам так не кажется? – она обвела взглядом семью.

– Кажется, – согласился Фэб. – Лично я ни с чем подобным не сталкивался. В реестре всё было обычно, по месту картинка несколько отличается от стандарта для этого уровня.

– Я такого не видел, – тут же встрял Кир. Саб задумчиво посмотрел на Фэба, и медленно кивнул.

– Аналогично, – ответил он. – Но это не опасно. Для нас это точно не опасно.

– Согласен, – отозвался Рэд. – Опасности я тоже не чувствую.

– Тут не опасность, – Пятый нахмурился. – Тут словно какая-то очень старая печаль, пожалуй. Сожаление. Горечь. Раскаяние.

– Верно, – Эри благодарно улыбнулась ему. – Точнее не скажешь, пожалуй. И эта дверь в гостинице, которую собрали из кусочков. И то, что сказала девушка.

– Про планету? – уточнил Лин.

– Ага, – кивнула Эри. – У нас с ними, кажется, схожие задачи. Они восстанавливают планету, а мы, в некотором смысле, будем пробовать восстановить работу Слепого Стрелка. Ведь так?

– Жаль только, что убедить их в этом будет не так просто, как хотелось бы, – вздохнул Фэб. – Ну, что? Пошли ужинать, или сначала погуляем?

– Давайте пройдемся до реки, – попросил Скрипач. – Или, лучше, до высотки. Вы как?

– Можно, – согласилась Берта. – Анализаторы с собой, заодно и портал посмотрим. Надо же с чего-то начинать.

– Детка, я тоже скучаю по дому, – тихо сказал Ит. – Очень скучаю. Но я много раз говорил, что...

– Ит, неважно, – покачала головой Берта. – У меня это просто где-то внутри, оно болит, и мне нужно, чтобы болело ещё сильнее. Понимаешь? Мне просто это нужно. Так что идёмте, пока не стемнело.

Против ожидания, вход в главный корпус высотного здания на Котельнической никто не охранял. Вошли, пустой холл отозвался шагам гулким прохладным эхом. Берта

немного прошла вперед, и подняла голову. Вот оно, извечное, то, с чем она ждала свидания уже давно. Высокие арочные двери, треугольник холла, четыре лифта, бело-синие барельефы, и ротонда – до боли в глазах чистое небо, ирреальное облако, и дети с игрушечным самолетом. Всё те же дети. Всё тот же холл. Всё тот же Русский Сонм. «Я превращаюсь в какую-то функцию, – отрешенно подумала Берта. – Мы все превращаемся в функции. Вот же странно. Когда мы были живыми, и жили в этом доме, я тысячи раз проходила этот холл, торопясь или неспешно, и редко смотрела наверх. А теперь, стоит мне попасть в любой осколок, первое, что я хочу сделать, это придти сюда и посмотреть. Убедиться? В чём? Если бы я знала. И откуда эта мысль, о том, что мы были живыми? Мы вроде бы ещё здесь, и умирать не собираемся. Лезет в голову непонятно что...»

Ит подошел к ней, встревожено посмотрел в глаза, и осторожно взял за руку.

– Маленькая, с тобой всё в порядке? – спросил он тихо.

– А? – Берта попыталась улыбнуться. – Да, родной, всё хорошо. Просто подумалось... неважно.

– О чём ты? – Ит нахмурился.

– Ты, кажется, и сам уже понял, – вздохнула Берта. Ит в ответ медленно кивнул.

– Кажется, понял, – эхом отозвался он.

– Ит, рыжий, я давно хотел спросить, – вдруг осторожно начал Пятый. – Этот холл... тут ведь с вами что-то случи-

лось, да? Верно? Я никогда не спрашивал, но я-мы-я не можем этого не чувствовать. В других мирах Сонма это тоже было. Ведь так?

Скрипач, до этого стоявший в некотором отдалении, подошел к остальным, и кивнул.

– Случилось, – ответил он. – Я... его избил. На Терре-ноль. В этом самом холле. Много-много лет назад. Ты прав.

– Вот только больно было не из-за того, что избил, – продолжил Пятый. – Из-за другого. И... народ, мы два года говорили про маркеры. Про поиск. Но я только сейчас понял.

– Что именно? – спросил Фэб.

– Мы упустили из вида самый главный маркер, – вздохнул Пятый. – А ведь он на самом виду. И постоянно был с нами.

– Какой же? – нахмурился Фэб.

– Больно, – беззвучно произнес Пятый. – Если нам самим от того, что мы видим, будет больно, мы на правильном пути. Если больно, то мы всё делаем верно. У нас, знаете ли, в этом большой опыт... был. Невозможно ошибиться.

Ит медленно кивнул.

– А ведь ты снова прав, – тихо сказал он. – Ты совершенно прав. У нас не получится абстрагироваться от того, что мы будем пробовать изучать. Эти два года мы старательно делали вид, что мы можем быть ни при чём. Что мы вне системы. Но это так не работает.

Берта молча смотрела на него, ожидая продолжения.

– С первой тройкой искаженных мы старательно пытались абстрагироваться, и даже согласились на роль исследователей, – Ит горько усмехнулся. – Напомнить, как ты кормила мальчишку котлетами, родная? Думаю, всё и так понятно. Вторая тройка... с ними было повеселее, но ненамного. Третья – выбила нас из колеи на год. Если не больше. Мы не можем этого не чувствовать, и как бы мы ни старались, мы не сможем в данной схеме ничего изменить.

– Ит, да, конечно, но теорию это не отменяет, – покачала головой Берта. Рэд и Саб согласно кивнули, Фэб нахмурился. – С тем, что вы сказали, я согласна, и Эри, видимо, согласна тоже. На эти моменты мы будем смотреть. Однако... вы же понимаете, что нам нужны и другие маркеры. Одной болью мы не обойдемся.

– Музыка какая-то, – вдруг сказала Эри. Во время разговора она отошла в сторону, поближе к входной двери, и сейчас стояла, прислушиваясь. – Опера?

– Похоже на то, – согласился Фэб. Тоже прислушался. – Какой огромный голос. Бертик, слышишь? Можешь узнать певицу?

Та нахмурилась, отрицательно покачала головой.

– Нет, не знаю, – сказала она. – Красиво, да. Меццо сопрано.

– Запись, – уверенно произнес Скрипач. – Где-то наверху слушают музыку, и сюда проникает звук. Ит, помнишь, когда мы шли с букетом делать предложение одной такой девушке,

мы так же услышали танго? Не помню, здесь, или на улице, но танго оказалось очень приставучее, месяц его потом из головы выгнать не мог.

Ит усмехнулся.

– На улице, – сказал он уверенно. – Возле кулинарии.

– Красивый был букет, – Берта улыбнулась. – Жаль, что в тот вечер мне оказалось не до цветов.

– Это да, – покивал Скрипач. – Слушайте, пойдёмте в кулинарию? – предложил он. – Сто против одного, что здесь она жива здорова. Купим мороженого, и посидим на бульваре. А потом ходим поужинать.

– И спать, – тут же добавил Рэд. – Для первого дня более чем достаточно, – добавил он. – Все устали, нужно отдохнуть, тем более что завтра переговоры, и нам с Фэбом неплохо был бы подготовиться.

– Согласен, – тут же поддержал Фэб. – Нам нужен доступ к «Граням памяти»? Нужен. Вот завтра этим и займемся.

Эри всё ещё стояла, прислушиваясь, но ария, которую пела неведомая певица, закончилась, и наступила тишина. Ватная какая-то тишина, потому что все молчали – и Эри не выдержала первой.

– Идёмте, – попросила она. – Про мороженое – это хорошая идея. Наверное, первая хорошая идея за весь день.

2

Теория, фрагменты

– Вы ведь знаете, что это такое? – Фэб коротко глянул на пробирку с крошечной золотой искрой внутри, которую держал в правой руке на уровне глаз. – Разумеется, вы уже поняли. На вашей планете есть четыре комплекса тонкой сборки. Два малых, экспериментальных, вы сумели построить сами, один купили, и ещё один вам предстоит оплачивать столетие, а то и больше. При этом ваши ученые, конечно, разрабатывают схемы, но вы ведь отдаете себе отчет в том, что на подобные разработки уйдут десятки лет?

В комнате повисла тишина. Стандартная переговорная комната отделения филиала таможенной службы: белые стены, белый потолок, белый пол, ни окон, ни мебели. Ничего. Абсолютно пустая комната, в которой сейчас находится переговорщик от планеты, эта самая женщина, средних лет и невнятной внешности, и команда, пришедшая на эти переговоры. Переговоры, которые требовалось провести, чем быстрее, тем лучше, потому что, как известно, законы миров пребывания лучше не нарушать. Именно поэтому утром, наскоро перекусив, они отправились в отделение таможни, расположенное в историческом центре, на Пятницкой.

– Годы, – возразила женщина. – Не десятки лет. Вы завышаете срок.

– Хорошо, годы, – тут же сдался ФЭб. – Годы простоя, и годы использования своей ресурсной базы. Вы с такой гордостью рассказывали о том, что решили сохранить свою планету, а эти годы, как вы догадываетесь, вам придется использовать её ресурс, в то время как ваши конкуренты...

– И что вы предлагаете? – спросила женщина бесстрастно, хотя и так уже было понятно, что.

– Это фрагмент корпуса «Сансета», – ответил ФЭб. – И некоторое количество моделей сборки. Если вы воспользуетесь ими, через пять лет сумеете отправить первую экспедицию. Уже не разведывательную, как вы сами можете догадаться. И санкционировать её не придется. Соблюдать общие законы будет нужно, разумеется, но запретить вам никто ничего не сможет. Равно как и шантажировать вас... вы понимаете, чем именно.

– Не слишком ли высокую цену вы даёте за возможность провести научные изыскания, которые, как вы утверждаете, не несут вам самим никакой выгоды? – в упор спросила женщина.

– Да, цена весьма высока, – согласился ФЭб. – И выгоды мы действительно не получим. Но то, что мы ищем, для нас бесценно.

– Видимо, речь идет об истине, – задумчиво произнесла женщина. ФЭб согласно кивнул. – Тривиально, и слишком

обще. Но самое удивительное, что вы не лжёте.

– У нас нет необходимости лгать, – пожала плечами Берта. – В нашем случае это лишено смысла.

– Равно как и сама суть ваших исследований. Смысла нет. Вы утверждаете, что поставили цель построить вывод из невыводимой формулы. Не смотря на то, что эта формула считается неразрешимой уже... четвертый век подряд. И, насколько нам известно, не только у нас.

– Верно, – снова кивнул Фэб.

– Вы абсолютно правы, – подтвердила Берта невозмутимо. – В данном случае речь идет о том, что в вашей системе понятий называется формой Россера...

– Но зачем? – женщина повернулась к ней. – Будьте любезны, объясните, в таком случае, смысл этих изысканий – таким, каким его видите вы. Потому что, уж простите, если бы эти изыскания были действительно лишены смысла, мы бы сейчас не беседовали с вами.

– Всё так, – ответил Фэб. – Хорошо, мы попробуем. По нашему скромному мнению, неразрешимая формула, о которой мы говорили ранее, является формулой Бога.

Женщина молчала, ожидая продолжения.

– Формула, о которой идет речь, является невыводимой в существующей системе, – сказала Берта. – Мы же сейчас подходим к созданию системы второго порядка. В данный момент речь идет о визуализации возможности формулировки теоремы о неполноте в диофантовой форме.

– Допустим, – женщина перевела на неё взгляд. – И как же соотносится система второго порядка, о которой вы говорите, и то, что вы хотите провести в нашем мире некоторые исследования? Пока что всё сказанное вами напоминает, в лучшем случае, абсурд, – голос женщины потяжелел, в нем зазвучали властные нотки, – в худшем – бред сумасшедшего, но, тем не менее, вы предлагаете за возможность работать у нас несоразмерно высокую цену. Кстати, какие действия последуют с вашей стороны в случае отказа?

– Никаких, – ответил Рэд. Фэб согласно кивнул. – Мы просто отправимся дальше. Да, разумеется, мы потеряем время, однако не следует думать, что имеющаяся у вас информация уникальна. Безусловно, подобные флуктуации весьма редки, но, учитывая размеры вселенной, они отнюдь не единичны.

– Но почему, в таком случае, вы обратились именно к нам? – спросила женщина.

– Вы ближе, – спокойно ответил Фэб. – В техническом понимании ближе, конечно. Я имел в виду количество проходов через сеть Ойтмана. В случае отказа мы уйдём из системы, проведем поиск эквивалентного фрагмента интересующей нас сигнатуры, и отправимся дальше. Наши технические средства позволяют это сделать. В отличие от ваших, – негромко добавил он. – Впрочем, выбор в любом случае остается за вами. Мы не нарушаем законы, ни внешние, ни внутренние. В том, что мы не лжем, и в том, что мы предлагаем вам в достаточной степени высокую цену, вы уже имели

возможность убедиться.

Трудно не убедиться, когда собеседники стоят под сканерами, подумалось ему. Но мы действительно не врём, нам нет смысла этого делать. Однако...

Однако она не верит. И во всём ищет какой-то подвох. Впрочем, неудивительно. В мирах третьего уровня всегда и во всём ищут подвох. Потому что слишком хорошо помнят прошлых себя. И в любом пришедшем априори видят тех же самых прошлых себя, и порой небезосновательно. Страшно? Ещё бы. И ей, этой бесстрастной женщине, сейчас страшно. С чего бы ей доверять гостям, которые пришли в систему на корабле шестого уровня (на самом деле фактически седьмого), и хотят... а что они, кстати, хотят? Конкретики до сих пор не было, сплошная теория, поэтому она сейчас спросит. Потому что уж больно лакомый кусочек в этот момент держит в руке Фэб. Держит, и молчит. И столь же бесстрастен, как и она сама. Соблазн, да. Огромный соблазн. Алчность, она такая забавная штука...

– О каких именно исследованиях идет речь? – спросила женщина, и Фэб понял, что она попалась. И уже не сорвётся, потому что, ну, разумеется, ей никто не даст ни малейшего повода сорваться.

– Мы ищем следы присутствия, – ответил Фэб. – Нет-нет, не Бога, не подумайте. Всего лишь людей, неким определенным образом осознававших его существование. По сути, они являются объектами перечислимого множества, если вы по-

нимаєте, о чём я. Это символы.

– Кто эти люди? Святые? Подвижники? – женщина нахмурилась. – И, позвольте узнать, речь идет о ныне живущих гражданах?

– О, нет, – покачала головой Берта. – Не святые, не подвижники, и уж точно не ныне живущие. Интересующие нас личности, по нашим данным, могли жить на вашей планете около двухсот лет назад. Точнее, в период сто – двести лет назад, примерно.

– Вы знаете, кто они такие?

– Не имеем понятия, – развел руками Рэд.

– Хм, – женщина нахмурилась. – И каким же образом вы намерены их искать, в таком случае?

– У вас есть программа «Грани памяти», насколько нам известно, – Саб, до этого момента молчавший, решил вмешаться в разговор. – Вы ведь занимаетесь последнюю сотню лет восстановлением картины прежнего генофонда, и формируете базу генных карт всех ушедших. Всех, до кого у вас есть возможность дотянуться. Я прав?

– Верно, – согласно кивнула женщина. – Разумеется, не всех, потому что всех невозможно, к сожалению. Но многих. Например, проводится эксгумация существующих и ранее существовавших кладбищ, изъятие материала, и внесение в общую базу генокода каждого когда-то жившего носителя. Это весьма непростая история, потому что, как вы понимаете, предки были чудовищно безалаберны, и допускали

поистине ужасающие этические ошибки. Не все, разумеется, но многие... – она покаянно вздохнула. – Мы исправляем то, что можем исправить. По крайней мере, стараемся это делать.

– В мирах пятого уровня это уже давно сделано, – заметил Ит. – И это правильно. Как медик, могу сказать, что в некоторых случаях такая информация может иметь огромную ценность, в первую очередь, для спасения жизни, конечно.

– Да, в том числе и для этого, – согласилась женщина. Однако в её голосе, как показалось в тот момент Иту, мелькнула какая-то тень, и он тут же одернул себя. Это тройка, мир третьего уровня, и важно им сейчас отнюдь не спасение жизни. Точнее, не так. Это, безусловно, тоже важно, но ключевое слово здесь «тоже».

– Вы хотите, если я правильно поняла, пообщаться с потомками, которые... – начала женщина, но её перебил Саб.

– Нет. Потомков они не оставили, – ответил он на ещё не заданный вопрос. – Точнее, согласно нашим расчетам, подобные личности не оставляют после себя потомство. И общаться нам ни с кем не нужно, требуется лишь подтвердить факт существования этих людей, не более. Есть вероятность, что может сохраниться информация, сопровождающая их присутствие. Некие маркеры. Мы ищем именно их.

– Какие именно? – требовательно спросила женщина.

– Мы не знаем, – покачал головой Рэд. – Но, получив доступ к системе, мы, не исключено, сумеем что-то найти. Точ-

нее, искать будем не мы.

– А кто?

– Система, установленная на нашем корабле. «Альтея», – Рэд, предупреждая вопрос, поднял руку. – Подождите, я вынужден пояснить. Речь идет об огромном массиве информации, и ваша техника с подобным объемом не справится. То, что вы можете нам предоставить, будет являться, по сути дела, хаосом, причем данные о каждом носителе будут весьма и весьма ограничены, и в этом хаосе нам предстоит найти логику, точнее, намеки на её существование. Скажу больше, у нас самих нет твердой уверенности в том, что задача выполнима, но мы хотя бы попробуем.

– Интересный подход, – женщина задумалась. – Вам самим не кажется, что ситуация выглядит, мягко говоря, странно?

– Кажется, – тут же согласился с нею Рэд. – Она и есть более чем странная, вы совершенно правы. Однако, – он сделал паузу, – именно такие вот странные, и, на первый взгляд, даже абсурдные идеи по факту двигают вперед науку во всех без исключения мирах. Поверьте, на разумного, который выдвинул идею антигравитационных двигателей, тоже смотрели сперва, как на сумасшедшего. Это же гравитация, абсурд, это невозможно! А более ранние изобретения? Рентген. Что за лучи, способные просветить тело насквозь? Бред какой-то, – Рэд усмехнулся. – Любое начинание подобного рода...

– У тех изобретателей была конкретная цель, – возразила женщина. – В ваших же действиях и стремлениях я никакой цели пока что не вижу.

– Теория, – покачала головой Берта. – Опровержение. Возможно, впоследствии, более глубокое понимание мира. Такой ответ вас устроит?

– Лишь отчасти, – женщина вздохнула. – Вы недоговариваете что-то. Ведь так?

– Да, – тут же кивнул Фэб. – Но не потому что хотим обмануть вас. На этом этапе вы просто не сумеете понять, о чем идет речь. Однако могу заверить вас, что ни в наших действиях, ни в их последствиях нет никакой угрозы для вашей системы. И для системы, и для планеты.

– Хорошо, – кивнула женщина. – Допустим. В таком случае, впоследствии мы еще побеседуем с вами, и вы постараетесь мне объяснить, для чего это всё нужно вам на самом деле. Это моё условие. Без него согласия вы не получите.

– Охотно поделимся с вами информацией, – тут же ответил Рэд. – И предоставим дубль того, что сделаем. Это ваш мир, и вы имеете на это полное право. Со мной все согласны? Хорошо. Только, если можно, уточните потом, в какой форме вам лучше будет эту информацию предоставить.

Женщина явно не ожидала такого ответа, но сдержалась – лишь едва заметно удивленно приподняла брови.

– В принципе, такой вариант нас устроит, я думаю, – сказала она. – О каком сроке идёт речь? На какое время вы пла-

нируете у нас задержаться?

– Два месяца, – ответила Берта. – В идеале три, но три вы нам не дадите.

– Я и два не могу дать, – женщина покачала головой. – Это слишком много. Месяц.

– Нам не хватит месяца, – возразил Фэб. – Это невозможно. Один только сбор информации...

– Мы предоставим вам доступ к «Граням памяти», которые вас заинтересовали, и к архивным данным, работайте, – женщина коротко глянула на Фэба. – Или вы хотите искать как-то ещё?

– Разумеется, как-то ещё мы тоже будем искать, – твердо сказал Фэб. – Нам нужно иметь возможность выезжать на определенные точки, использовать свою аппаратную базу, и свою технику. А так же нам требуется возможность собирать свидетельства, если таковые имеются. Свидетельства, подтверждающие присутствие.

– О каких местах, какой аппаратной базе, и о какой технике идет речь? – женщина нахмурилась.

– Появление личностей, свидетельства о которых мы ищем, всегда сопровождается возникновением так называемых порталов, участков поверхности планеты, специфическим образом реагирующих на определенные возмущения, – объяснила Берта. – В обычной жизни никто и никогда не догадается, что на каком-то участке расположен портал. Но если установить там излучатель, звучащий на определенной

частоте, портал «ответит», выдав другую частоту. Это ни на что не влияет, – поспешно добавила Берта. – Не способно повлиять. Собственно, все наши исследования как раз и начались с обнаружения подобных образований, и их изучения.

Женщина задумчиво посмотрела на неё.

– Это представляет какую-то опасность? – спросила она.

– Нет, – Берта улыбнулась. – Мы несколько лет жили в доме, построенном на таком образовании. Повторю, они абсолютно безопасны, их даже невозможно обнаружить без помощи технических средств.

– Некоторые виды загрязнений тоже нельзя обнаружить без технических средств, – тихо произнесла женщина. – И некоторые виды преступлений тоже.

– Мы в обязательном порядке предоставим вам все результаты, если что-то найдем, – пообещала Берта. – Точное расположение порталов, их структурные и частотные характеристики. Но предупреждаю сразу: вероятность того, что их возможно хоть как-то использовать, стремится к нулю. Для нас они представляют интерес только как элементы пока что гипотетической системы.

– На исследование и создание которой вы тратите немалые средства, – заметила женщина.

– Мы не стеснены в средствах, – сказал в ответ Пятый. – К сожалению, мы не знаем, в достаточной ли степени вы осведомлены о том, как живут высокие семьи рауф...

– По нашим сведениям среди них есть действительно бо-

гатые, – осторожно ответила женщина. – Но у меня вызывает сомнение утверждение о том, что вы к ним относитесь. К тому же вы обе, – кивок в сторону Берты и Эри, – люди. Уж простите, не проверить это невозможно.

– Всё верно, наши семьи являются смешанными, – ответил Рэд. – Но я, как представитель рода Т-Кауса, смею вас заверить, что недостатка в средствах мы не испытываем. Если вам угодно, вы прямо сейчас можете отправить запрос в Транспортную сеть, и получить желаемую информацию. И о семье, и о её положении.

Рэд отлично знал, что женщина этого не сделает. Это дорого. Это очень дорого, да и небезопасно, потому что информацию о сделанном запросе тут же получит представитель семьи. И занесет интересанта в базу. И в любом спорном случае вынудит этого самого интересанта ответить – уже на свой запрос. Хитрый, грамотно составленный, и способный подставить под удар того, кто когда-то спросил. Знает об этом женщина? Безусловно. С высокими семьями шутки плохи, потому что каждая такая семья, по сути своей, это огромная корпорация. Лучше с ними не связываться. Даже если предлагают.

– В этом нет необходимости, – ответила женщина.

– Мне показалось, что вы сомневаетесь в нашей платежеспособности, – заметил Рэд. – Не смотря на то, что мы уже предъявили вам аванс.

– Меня больше интересовал вопрос о составе вашей се-

мы. Она несколько необычна, – пошла на попятный женщина.

– Да, она необычна, но законом это не запрещено, – ответила Эри. – К тому же вне дома мы всегда соблюдаем гендерную дистанцию. В гостинице, например, мы живем согласно полу. Не семьёй. Мы гости, и соблюдаем правила приличия.

– Я нахожу этот разговор несколько... ммм... неуместным, – голос Фэба посерьезнел. – Состав семьи, как вы правильно заметили, является смешенным, но не существует законов, запрещающих подобные союзы.

– Просто я никогда не слышала о подобном, – кажется, женщина уже сама была не рада, что начала этот разговор.

– Вселенная большая, – заметил Фэб. – Думаю, о союзах между людьми и нэгаши вы тоже не слышали, однако подобные союзы существуют.

– На территориях нэгаши? – с недоверием спросила женщина.

– На нейтральных, – покачал головой Фэб. – В данный момент мы тоже проживаем на нейтральной территории, если для вас это важно. Но причина обусловлена не запретами, а спецификой наших исследований. До этого мы прекрасным образом жили в мирах Сонма, и в высоких, и в низких.

– И у вас не было никаких проблем? – удивилась женщина.

– Как это не было? Конечно, были, – Кир хмыкнул. – Короткие кровати. Низкие дверные проемы. Отсутствие подхо-

дящей по размеру рабочей одежды.

– А как в таких мирах трактовали гермо? – не выдержала женщина.

– Как мужчин, – ответила Берта. – Это выгодно.

– Почему?..

– Да потому что мужчинам всегда платят больше, – Берта усмехнулась. – И берут на работу охотнее. Мы жили в ролевой модели, деньгами семьи в тот момент не имели возможности пользоваться, и работали сами на себя. Бесценный опыт, надо сказать. Это незабываемо. Что же до трактовки...

– Мужская одежда стоит дешевле, и не надо тратиться на колготки, – присовокупил невозмутимо Скрипач. – Ах, дорогая моя, вы бывали в мирах второго уровня?

Женщина покачала головой.

– Вот! – наставительно поднял палец Скрипач. – Значит, вы понятия не имеете, какой проблемой могут стать колготки. Так что выбор был очевиден, и мы в нём ни разу не разочаровались.

– Раски. Ниэ. Файри... – с легкой угрозой отдельно произнес Кир. Скрипач поморщился.

– Хорошо, хорошо, молчу, – ответил он. – Уж и пошутить нельзя. Вы, два сноба, и так уже превратили эти переговоры в обмен колкостями, и я просто решил, что нашей замечательной собеседнице не лишнем будет осознать, что мы не бездушные и безгласные механизмы, не обнаглевшие богачи из высокой семьи, а вполне себе живые разумные существа, де-

лающие любимую работу. Ну да, мы действительно немножко ищем бога, но лишь теоретически. А еще нас интересует история Сонма, процент совпадения дат, эпох, исторические события, личности, закономерности, и многое другое. Например – вы читали «Обоснования Русского Сонма»? – спросил он.

– Не читала, но слышала, – ответила женщина с интересом. Уже неподдельным. – А что?

– Можете пожать руку автору, – Скрипач кивнул в сторону Ита. – Это одна из его работ. И не самая плохая, следует заметить.

– Скрипач, хватит меня смущать, – попросил Ит. – Работа и работа. По Сонму существует много исследований, я такой отнюдь не один. Простите, – добавил он, повернувшись к женщине. – Младший брат у меня склонен несколько эмоционально реагировать на некоторые моменты, и я приношу свои извинения.

Впервые за время встречи женщина улыбнулась – и совсем не так, как она делала это раньше. Улыбка получилась открытая и доброжелательная, словно расслабилась где-то глубоко в душе этой женщины сжатая пружина. Ей хочется нам верить, понял Ит, потому что слишком много в её жизни было моментов, когда верить было нельзя. Поверит? Разумеется, нет. Но Скрипач, умница, хотя бы немного, хотя бы на несколько минут сумел позволить ей прожить без этих постоянных внутренних тисков. И это уже немало. Совсем

немало.

– Давайте обсудим наши дальнейшие действия, – предложил Рэд. – Во-первых, по доступу к «Граням», во-вторых, к технике осуществления контакта Альтеи и вашей системы. Обговорим сперва гарантии, которые обязана будет предоставить наша сторона...

Разговор этот произошёл за несколько месяцев до старта. Ит вспомнил о нём, когда они вышли из переговорной после трёхчасового обсуждения деталей, и направились обратно в гостиницу – отдохнуть и пообедать. Пророческий получился разговор, но, кажется, даже во время этого пророческого разговора они не сумели осознать, что же предстоит делать уже на месте. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – вспомнил он. – Значит, „Грани памяти“. И спасибо, что тут есть хотя бы эти „границы“, ведь пытаться вслепую перебрать несколько миллионов покойников – невыполнимая задача, особенно с учетом того, что мы даже сейчас не имеем понятия, как именно их искать. Одна надежда, на Альтею. Может быть, у неё получится найти эту иголку в стоге сена».

– ...Ненавижу тройки, – с досадой сказал Скрипач, когда им удалось вывести удобную и перспективную для работы на этом этапе область. Единственную из всех, достойную вни-

мания. – Бог мой, и все его святители, как же я ненавижу тройки!!!

– Почему? – спросила Эри в ответ.

– Потому что все тройки параноики, – Скрипач поморщился. – Потому что, как тебе известно, самые ярые противники курения – это бывшие курильщики, самые оголтелые борцы с пьянством – завязавшие пьянчужки, самые рьяные атеисты выходят из разуверившихся верующих, а самые большие ханжи и поборники морали получают из бывших проституток. Или ты думаешь, что мы все эти годы старательнейшим образом обходили все возможные контакты с тройками просто так, от делать нечего?

– А мы их обходили? – удивилась Эри.

– А ты не заметила? – поинтересовался Скрипач. – Я с удовольствием пойду работать в двойку, в четверку, в пятерку, даже в единицу, но только в не в тройку. Потому что они...

– Поголовно параноики, – закончила за него Эри. – Но почему?

– Рыжий, хватит морочить Эри голову, – попросил Ит. – На самом деле всё просто. Этика не успела угнаться за техникой, так понятнее? Тройки, что Маджента, что Индиго, самые опасные миры, потому что находятся они в состоянии неустойчивого равновесия.

– Квинта, – с отвращением произнес Фэб. – Жил-был мир третьего уровня, и пошел в нем конфликт, по нарастающей.

Каскадный. При наличии Транспортной сети, замечу. И пары отделений Официальной. И никто ничего не сумел сделать. А вышли они оба оттуда в таком виде, что я вспоминать про это не хочу.

– И сам же вспомнил, – поддел Ит. – Хотя вообще ты прав, Квинта действительно была весьма показательным примером. И ещё один момент. В девяноста девяти процентах случаев миры третьего уровня нищие, как церковные крысы. Потому что то, что было у них самих, уже украдено до них, а они еще не доползли до уровня, позволяющего красть самостоятельно. К сожалению...

– К сожалению, практически все миры проходят через эту стадию, – Фэб вздохнул и покачал головой. – Сперва незваные гости потрошили принадлежавшие им ресурсы, теперь настало их время, а значит, пора отправляться в дорогу.

– О! – сообразила Эри. – Это, получается, те самые тоннели, грибница, которую расследовал Яр, старые выработки, и всё прочее? Так?

– Иногда так. Нет, если у цивилизации есть хотя бы капля совести, они не сунутся дальше какой-нибудь луны, и планету не тронут, но с совестью во вселенной дела обстоят неблестяще, – объяснил Фэб. – Вынужден признать, что тут обычно все хороши. А что делать? Это борьба за выживание. Случаются, конечно, исключения – например, мир попадает почти сразу в большой добродушный конклав, и ему есть, кому помочь, но чаще всего помочь некому, и приходится выплы-

вать самостоятельно. А тут все средства хороши. До какого-то момента, само собой разумеется. Этот же мир, перейдя в четверку, наладив контакты, разобравшись в ситуации, сам отзовет своих добытчиков, и постарается максимально уничтожить следы своего присутствия там, где успел отметиться. И будет в дальнейшем проявлять завидную осторожность, потому что разберется во многих вещах, которые в тройке не понимал.

– Угу, – согласился Ит. – Но до того, как они разберутся, они успеют наворотить немало. И украсть немало, причем не понимая, что крадут. Да и убирают за собой не все, вспомните, опять же, Яра, и грибницу. Судя по тоннелям, там хорошо так похозяйничали когни, и ушли, бросив всё, как есть. И выработки, и систему доставки, и коммуникации, и даже технику, которую им было лень демонтировать.

– Жутковато это выглядело, – покачала головой Эри. – А у нас, значит, получается, что... ну да. Наверное, вы правы.

– Смотри сама. Из всех итераций, которые ты сумела снять на Тингле, находясь на местной Луне, рабочими были процентов десять, да и то, я завышаю, – Берта на секунду задумалась. – Те материалы, которые успел отработать Ри, а именно – братья Фламма и Амрит, Гарик с компанией, и Идущие к Луне, прошли по правильным итерациям, но... – Берта сделала паузу. – Системы, в которых они оказались, уже успели сменить по нескольку цивилизаций, к тому же итерации, как мы поняли позже, могли быть, в некотором

смысле, перестроены самой системой. И это вообще не те итерации. Потому что система...

– О которой мы пока не знаем, – вставил Скрипач.

– Верно. О которой мы только начали догадываться, нам незнакома. Самой свежей, и поэтому наиболее перспективной, мы сочли ту итерацию, которую выбрали сейчас. Напомнить критерии выбора? – спросила Берта.

– Давай, – согласился Кир. – Если честно, я в твоих выкладках уже запутался.

– Хорошо, – кивнула Берта. – Погибший на этапе воссоздания материал генома Архэ, которому принадлежала эта итерация, был относительно молодым. Двадцать одна тысяча лет с момента взятия материала, по меркам Архэ это не срок. Почему были воссозданы вы двое, а не они, мы можем догадаться, – Берта посмотрела на Лина и Пятого. – Вы оказались «правильными», а они нет, и материал ушел на хранение. А потом погиб на Тингле, вместе со всеми остальными. Но при этом – если бы их воссоздали, то они попали бы в эту систему. И в этот временной период, система ему стопроцентно соответствует, и в её работу никто не вмешивался. А значит, она не могла не оказаться в зоне внимания Слепого стрелка. Причем временной период мы, как вы помните, смотрим по Сонму, а двойка по Сонму в этом мире была сто-двести лет назад. Тут всё понятно? По сути, это единственная итерация, которая находится сейчас в стадии, в принципе возможной для изучения. Остальные ушли слишком далеко, потому что

материалы были старые, и если Стрелок туда стрелял, время давно уничтожило все следы. Да, сложно, понимаю. Но, думаю, понять, при желании, получится.

– Не до такой степени мы дураки. Конечно, понятно. Получается, что двойка по Сонму – обязательно? – спросил Лин. – Мы говорили про это, и тут получается довольно интересный момент.

– Неисказенная этика, – добавил Пятый. И тут же кивнул. – Видимо, ещё одно из обязательных условий.

– Всё верно, так и есть, – подтвердила Берта. – Скажу больше – наблюдатели могут сформироваться именно при соблюдении этого условия, и никак иначе. На данный момент наш стопроцентно работающий маркер – это то, что и Эри, и Аделия, и я, и Джессика, и поварихи, родились и выросли в двойках. Это обязательное условие. Пока непонятно, почему, но факт остается фактом. А наблюдатель в общей картине выглядит... как бы правильно сказать...

– Катализатор процесса, – Пятый вздохнул. – И вот тут-то как раз и появляется тот самый Слепой стрелок, верно?

– Да, – подтвердила Берта. – Мы тотально ошибались, когда думали, что наблюдатели единичны. Наблюдатель всегда не один. Нас действительно много, нас гораздо больше, чем нам сейчас кажется, и это множество является результатом деятельности Слепого стрелка. Пока я думала над этим, у меня появилась забавная аналогия. Рассказать?

– Давай, – кивнул Скрипач.

– Матрас, – Берта хмыкнула. – Когда на фабрике производят матрас, его никогда не делают чётко по форме человеческого тела. Он довольно большой, и обычно прямоугольный.

– Или круглый, – тут же сказал Скрипач. – Круглый тоже ничего.

– Неважно. Так вот. Человек, который ложится на матрас, никогда не соприкоснется со всем его наполнением, верно? В дело пойдут лишь небольшие участки, вся же прочая начинка и покрытие останутся не у дел.

– Ну... слегка притянута за уши, но принимается, – Саб задумался. – Ты нас сейчас подводишь к тому, что Слепой стрелок выбивает гораздо большее количество элементов примерно по такому же принципу? Стелет, так сказать, солому с запасом, чтобы тот, кто упадет на неё, не промахнулся, и обязательно попал на защищенный участок?

– Тоже верно, – кивнула Берта. – Но, к сожалению, речь идет не о соломе, а о его воздействии на объекты, и о том, что мы пока что даже представить не можем охват его выстрела. Первого выстрела, если точно. Есть и другие.

– Давай про другие потом, – попросила Эри. – Мы все знаем, о чём ты, но я ещё морально не готова, если честно. Знаю, что мне позже придется работать, чтобы построить следующие итерации из найденной точки, но...

– Бертик, позволь тебе возразить, – сказал Пятый. – Ты считаешь эту итерацию первой, так?

– Так, – кивнула Берта.

– А мы считаем второй. Потому что нашей с рыжим первой итерацией была не Земля, а Окист, – Пятый нахмурился. – Мы появились на свет именно там, на Землю, знать бы ещё, какую, мы попали во вторую очередь.

– Сейчас спорить не будем, но Окист, и иже с ним, я выношу в отдельную область, – Берта покачала головой. – При чем гораздо более значимую. Про это мы тоже говорили, но пока что...

– Пока что во мнениях не сошлись, всё так, но мы не понимаем, почему ты сейчас, на этом этапе, выносишь объект, эквивалентный Окисту, за скобки в этой части уравнения, – Пятый посмотрел на Берту. – Нам кажется, что это неверно. И начинать надо не с этого, а с поиска объекта.

– Пятый, если мы начнем с поиска объекта, мы завязнем напрочь, – покачала головой Берта. – Привязки нет. Никакой. Миров, подобных Окисту, мириады. У нас есть пока что только это построение. Именно это. Объект, эквивалентный Окисту, в нём отсутствует. По крайней мере, на данном этапе.

– Не так много у нас всего и есть, – заметил Фэб. – Итерация, которую построила Эри, мир третьего уровня, теория о Слепом стрелке, и теория, что, находясь в том мире, можно будет выстроить ещё, как минимум, две итерации, которые привели бы тех несостоявшихся Архэ... куда-то ещё. Маловато.

– Да, маловато, – согласилась с ним Эри. – Но это зацепка.

– Обожаю вас всех, – улыбнулся Рэд. – В частности, за способность бежать во все стороны сразу. Но давайте я всё-таки зачитаю, для порядка, общую выкладку, потому что вы растекаетесь, кто куда, и ты, Фэб, уже даже сейчас забыл про порталы. А без порталов, как вам лучше меня известно, это всё не бывает.

– Блин, – Фэб закрыл глаза ладонью. – Обычно в этом доме голосом разума работаю я. Стыдно.

– Да, стыдно, – тут же поддержал Рэда Кир. – Рэд, давай, жги. А мы поможем. Ты про исследования, которые планируем, да?

– Разумеется. Первый этап: поиск носителей «осколков», наблюдателей, точнее – следов их присутствия. Второй – поиск порталов, по знаковым точкам. Третий – попытка определить количество наблюдателей, их дислокацию, и... как ты говорила, Берта?

– Распределение, – напредила та. – Народ, вы заработались в госпитале, вам так не кажется?

– Кажется, – недовольно ответил Фэб. – Угу. Носители, порталы, количество, распределение, следующие итерации в системе. Я прав?

– Для данного этапа да, ты прав, – согласилась Берта. – Хотя, сдается мне, мы тысячной доли пока что не видим. Лин, Пятый, кстати, будьте готовы к допросам с пристрастием, потому что у меня именно к вам будет вопросов ну очень много, – сказала она. – Потому что в данном случае только

вы владеете хоть какой-то информацией, которая может оказаться полезной.

Подготовка к экспедиции заняла в результате почти два года, причем первый год ушел на то, чтобы как-то отделаться от Ри, который всё никак не успокаивался – требовал всё новые отчеты и данные, хотел уточнить какие-то моменты по наблюдениям, пытался выпытать у Берты, нет ли у неё каких-то новых выкладок, и в результате всех порядком утомил. Пришлось взять короткий контракт в Санкт-Рене, и даже изобразить продажу «Сансета», фиктивную, разумеется, потому что «Сансет» они сразу же выкупили по закрытому каналу, и на подставное лицо – хитрый Рэд, в подобных делах весьма сведущий, предложил такую схему, чтобы «Сансет» не могли отследить.

Второй год ушел целиком и полностью на предварительный расчет самой модели, и вот тут, по общему мнению, произошел затык сразу на нескольких уровнях. Во-первых, датировка итераций – которые пришлось датировать весьма условно, ориентируясь на информацию, полученную от зивов, уничтожавших давным-давно носителей. Эри три месяца мучилась, распутывая этот гордиев узел, и под конец работы начала тихо ненавидеть всё подряд, без исключения. И несчастных погибших Архэ, и непосредственно итерации, и миры, в которые они ориентировочно вели, и Контроль, и

всю обозримую вселенную. Во-вторых, Фэб с Киром, севшие за предварительные вычисления того самого распределения, пришли к выводу, что рассчитать на этом этапе невозможно практически ничего, потому что не хватает исходных данных – а где их взять, непонятно, потому что, по словам Кира, «Стрелок нам забыл доложить». О чём? Да обо всём. В первую очередь, о методе, который он использует. В-третьих, большая часть итераций, как выяснилось, вела либо вообще в никуда, то есть выходила в давно погибшие системы, либо вела в миры высоких уровней, которые на исследования такого рода вряд ли бы согласились. Берта вспомнила о том, что три группы Искаженных Архэ ушли в миры, им вроде бы подходящие, и внесла предположение о гомеостатической корректировке, особенно, конечно, упирая на Идущих к Луне, которые воссоединились практически в полном составе. Это её предположение поддержали, параллельно выдвинув предположение о системе, которая и впрямь может являться гомеостатом, то есть способна реструктурировать сама себя. В-четвертых, после всех изысканий, команда пришла к выводу, что для исследования, точнее, для начала исследования, из всех имеющихся вариантов действителен всего один – прочие не подходили категорически, слишком большие временные периоды затронуты.

А уж когда выяснилось, что мир, в который предстоит идти, является недавно зонированной Маджентой третьего уровня, настроение у всех испортилось окончательно. Пото-

му что, по словам опытного Фэба, если бы можно было выбирать из предложенных вариантов худший, это получился бы именно такой вариант.

3

Стеклянный город

Отрабатывать первый портал Ит и Скрипач всё-таки поехали вдвоем – Фэб сжалился, и отпустил, но только их, остальные должны были начать работу с архивом, точнее, стыковку систем. Первичную обработку данных, к сожалению, переговорщики производить им не позволили, к большому неудовольствию Берты, Саба, и Рэда, потому что это грозило существенным замедлением работы. Боятся, в который уж раз сказал Фэб, они очень нас боятся, и у нас нет никакой возможности доказать им, что мы не кусаемся. Удача уже то, что они вообще, в принципе, допустили нас к своей базе, могли бы не позволить. Ещё и пожаловались бы. Хотя, разумеется, уже пожаловались, сомневаться не приходится – вот только отделение официальной, которое здесь расположено, прозорливый Рэд Т-Кауса купил заранее, и дальше отделения жалоба не пойдет. В последние годы Рэд сделался для семьи просто незаменимым – море, яхты, и небольшой бизнес, да, конечно, это хорошо, но Рэд в своё время был серьезным финансистом, и знания его оказались более чем востребованы. Знания, опыт, и умение просчитывать действия оппонента на несколько шагов вперед.

– Фэб, мы проедем хотя бы пару-тройку московских то-чек, – предложил Скрипач за завтраком. – Быстро снимем всё, что надо, отчитаемся этой милой даме, скинем данные, и вернемся. Это недолго, ты же отлично понимаешь, что мы за несколько часов сумеем сделать...

– Я отлично понимаю, что вам очень хочется в город, – ответил Фэб серьезно. – Рыжий, нам тоже хочется. И в город мы выезжать будем. Обязательно. Но сегодня лучше бы вам остаться, и поработать с базой.

– Пусть едут, мы на потоке быстрее всё сделаем, – неожиданно вступился за Ита и Скрипача Лин – вот уж чего никто точно не ожидал. – Пятый, сделаем же?

– Конечно, сделаем, – кивнул тот. – И за них, и за себя. Езжайте, правда. Но лучше сегодня снять два портала. Или даже один. Оставьте на потом Котельническую, снимите Балаклавку.

– И Нагатинскую пойму, – тут же сказал Ит.

– Не надо, – покачал головой Пятый. – Только Балаклавку. Ит, понимаю, тебе тоже не хочется туда ехать, но...

– Тебе тоже этого не хочется, – кивнул Ит. – Ладно, сдаюсь. Только Балаклавку, и ничего больше. Но тогда мы пройдем полноценно оба «рукава» спирали. И данные сдадим более полные, и местной даме отдадим всё, от и до, для доказательства лояльности и готовности сотрудничать. Пойдет?

– Пойдет, – кивнул Фэб. – Бертик, что скажешь?

– Да, да, пойдет, – рассеянно кивнула Берта. – Только да-

вайте не очень долго. И, по возможности, посмотрите заодно город, сколько получится. На всякий случай.

– Договорились, – согласился Скрипач.

Ехали на метро, в котором, не смотря на утреннее время, народу оказалось совсем мало. От метро, уже на Чертановской, пошли пешком, захотелось немного прогуляться. Здесь оказалось болеелюдно, более оживленно, нежели чем в центре, но всё равно, население города явно было меньше в разы, чем в этих же местах в других мирах Сонма. И сам город... он разительно отличался от того же Сода, или от Земли-п.

– Больших домов практически нет, заметил? – спросил Скрипач, когда они миновали примерно треть пути. – А те, что есть, какие-то странные.

– Реконструкция, – рассеянно ответил Ит. – И, видимо, снос того, что сочли лишним. Можно у Марфы спросить, что к чему. Интересно.

– А вот там, где ты вырос, было похоже? – поинтересовался Скрипач. Про юность Ит всегда говорил неохотно и мало, почему-то не очень нравилась ему эта тема.

– Отчасти да, – кивнул Ит. – У нас вся жилая часть города была в один или два этажа. Большими были храмы, и большим был университет. Собственно, весь город и так или иначе оказывался связан либо с религией, либо с универом,

либо с пищевым производством. Там такие города норма. А в столицу континента я с родителями летал всего дважды, да и то ненадолго. Чёрт, рыжий, я ведь раньше не думал про эти вещи. Ну, Маджента и Маджента, старая, ДС-35 был действительно децентрализованным и спокойным, и я это принимал, как данность. Все принимали, – он задумался. – Помнишь, я рассказывал про дерево, которое погибло, и которое надо было спилить? Ну, не спилить, конечно, убрать?

– Что-то такое было, – кивнул Скрипач.

– Больше года шло обсуждение. Потом, после того, как всё решили, по дереву отслужили поминальную службу, общую, большую. Очень осторожно разобрали его на части, вывезли. Изъяли корневую систему. Обновили грунт. И ещё через год там росло практически один в один такое же дерево, причем уже почти нужного размера. Дерево на городской площади, – Ит вздохнул. – Вот сейчас я вижу то, что происходит вокруг, знаю то, что ты и сам знаешь, и начинаю понимать, насколько же трепетно в ДС-35 люди относились к тому, что их окружало. Я выходил утром на пробежки, и всегда, понимаешь, всегда пробегал, например, мимо садика на углу улицы. Не один год подряд. Так вот, там росли, как я сейчас понимаю, яблони, которым было по тысяче лет, не меньше. Они почти не менялись. И дорога, живая дорога, по которой я бегал, не менялась тоже.

– То есть они хотят тут сейчас сделать что-то подобное, – подытожил Скрипач.

– Видимо, да, – согласился Ит. – Жаль, что тогда я был молодой и глупый, и даже не задумывался о таких вещах. Зато теперь мне будет, о чем подумать. Снова.

– Давай лучше подумаем про маркеры, – предложил Скрипач.

– Давай, – с явным облегчением согласился Ит. – Эри предложила хорошую гипотезу по Джессикам, как считаешь?

– Про внешность? – уточнил Ит. Скрипач кивнул. – Должно сработать. Если, конечно, сработает версия с общим входом. Вот только с нашими будет сложнее, в разы.

– Угу. Поэтому Бертик и сказала, что лучше будет начать с наших, – Скрипач чуть замедлил шаг. – Итище, как думаешь, гений допер уже до чего-то?

– Не сомневаюсь, – Ит поморщился. – Но совсем не факт, что до Слепого стрелка. Я почему-то думаю, что наблюдателей он в расчет принимать не захочет.

– И почему?

– А потому что они самим фактом своего существования нивелируют его величие, – Ит усмехнулся. – Нет, ну правда. Архэ, практически живое божество, первоначало, и какие-то тётки. То есть во внимание он их примет, но равным себе элементом системы никогда не признает.

– А что тогда он этим самым элементом признает? – нахмурился Скрипач.

– Чтоб я знал, – вздохнул Ит. – Понятия не имею. Но что-

то будет, точно. О, слушай, как думаешь, тут лошади в комплексе есть, или его просто для красоты оставили?

Лошади в конноспортивном комплексе были, и сам он работал – Ит и Скрипач свернули, прошли на территорию (никакого забора здесь не имелось, но бывшую входную группу сохранили, и она являлась теперь чем-то вроде декоративного элемента), прошли мимо конюшен, несколько минут полюбовались гуляющими на леваде сытыми чистыми лошадьми.

– Красивые, – похвалил Скрипач. – И ухоженные какие, аж лоснятся.

– Надо будет потом с девчонками приехать, чтобы полюбовались, – предложил Ит. – Всё равно портал ещё раз будем смотреть.

– Надо, – покивал Скрипач. – Эх, жаль, нет морковки или сухарика, угостил бы сейчас воон ту, рыжую, в попоне...

– Ну, конечно, именно рыжую. Из солидарности, – поддел Ит. – Ладно, идём, мы обещали не задерживаться.

В лесу оказалось прохладнее, чем на солнце, и сыро – едва проснувшиеся после зимы деревья ещё не успели вытянуть из почвы влагу. Под ногами хлюпало. Прошли чуть дальше, перескакивая через лужи, на границе портала остановились.

– Тихо здесь, – уже не впервые заметил Скрипач. – Всегда было слышно дорогу. А тут только птицы. Словно выходной

или праздник.

– Тихо и прозрачно, – добавил Ит. – И весь город кажется то ли прозрачным, то ли стеклянным, не понял пока. Ощущение такое. Ладно. Так, давай начинать. Марфа! – позвал он. – Мы сейчас находимся на границе портала, который вы можете зафиксировать в схеме как портал номер один. Вы готовы к работе, или потребуются пояснения?

Коммуникатор на его запястье ожил.

– Требуются пояснения, – тут же откликнулась система. – Что именно я должна буду сделать?

– Зафиксировать данные с аппаратуры, передвижения, остановки, и границы объекта. Подключитесь, пожалуйста, к нашей базе, доступ открыт, – Скрипач вытащил из поясной сумки пластину контроллеров. – Это датчики, фиксирующие вибрации, ничего необычного.

– Я могу передавать информацию в реальном времени, или требуется дождаться окончания эксперимента? – уточнила система.

– Можно в реальном времени, почему нет, – пожал плечами Ит. – О, чуть не забыл. Марфа, хотелось бы после окончания эксперимента задать вам несколько вопросов о том, что происходит в городе. Или такие вопросы являются некорректными?

– Разумеется, такие вопросы корректны, – голос системы потеплел, кажется, она обрадовалась. – У меня много информации о городе, и я охотно поделюсь ею с вами.

– Тогда пока один вопрос, – тут же встрял Скрипач. – На лошадаках, которые в комплексе, можно покататься?

– В конноспортивном комплексе есть прокат, – тут же ответила система. – Им можно воспользоваться в случае положительных результатов теста.

– Какого теста? – удивился Скрипач.

– Рыжий, давай про это потом, – попросил Ит. – Сперва работа, а про лошадаков можно и после.

Портал отработали быстро, минут за сорок. Это, как они и ожидали, оказался классический портал Балаклавки – те же характеристики, те же два спиральных рукава, те же цифры. Скрипач видел, что Иту находится в этом портале совершенно не хочется, поэтому, когда закончили, снова потащил того «смотреть лошадаков», попутно выясняя у Марфы, какой тест нужно будет пройти, и как это сделать. Скрипач сперва подумал, что речь пойдет об умении ездить верхом, но оказалось, что нет, тест был на отношение к животным, потому что, как выяснилось немногим позже, для того, чтобы просто подойти к той же лошади, вы должны были доказать, что имеете на это моральное право.

– А собаку завести, ну или кошку, можно? – с интересом спросил Скрипач.

– Можно, но только после экзамена, которым завершается обучение, – охотно ответила система.

– И сколько нужно учиться, чтобы взять котенка?

– Полтора года, – невозмутимо пояснила система. – Для того чтобы принять в свою семью кошку, потребуется учиться полтора года. Чтобы принять собаку – два года. Или больше, в зависимости от результатов.

– А дети? – тут же спросил Ит.

– От шести лет.

– Этак у вас тут население вымрет, – решил подзадорить систему Скрипач.

– Напротив. За последние пятьдесят лет рождаемость выросла в полтора раза, и продолжает повышаться, – ответила система. – Трое детей в семье давно уже норма.

– Но в Москве очень мало народу, – возразил Скрипач. Ему стало интересно.

– Планета не ограничивается одним городом. Она значительно больше, – справедливо заметила система. – Не стоит судить обо всей Земле лишь по одному участку её территории.

– Справедливо, – кивнул Скрипач. – Ит, у вас примерно так и было?

– Угу, – Ит задумался. – У нас в ДС-35, если я правильно помню, жило около двадцати миллиардов человек, но меня по сей день не покидает ощущение, что я вырос в деревне. Относительно небольшой деревне, – добавил он. – И я бы не сказал, что это плохо. Очень чисто, очень комфортно, всё было продумано до мелочей. Мы это принимали как дан-

ность. И это и была на самом деле данность. И детей в семье было, кстати, трое. Я младший, и двое старших братьев.

– Простите, – тут же вмешалась система, – но у вас в данных указаны другие сведения.

– Это была приемная семья, я был разлучен с настоящими родителями, и меня взяли на воспитание, – объяснил Ит. – Дальше начинается личная информация, которая для меня и для брата является травмирующей. Я бы не хотел дальше продолжать эту тему.

– Мне очень неловко, – тут же извинилась система. – Я проявила бестактность. Видимо, у вас в семье произошла какая-то трагедия, и...

– Да, произошла, но это вас не касается, – зло сказал Скрипач, который, кажется, уже начал жалеть, что они начали при Марфе этот разговор. – Давайте закроем тему.

Он глянул на Ита, тот едва заметно кивнул. С полминуты они молчали, потом Скрипач сказал:

– Какая-то она излишне наглая для интелекронки, не находишь?

– Находишь, – согласился Ит. – Это тебе не Альтея.

– Как-то очень по-человечески она наглая, – Скрипач покачал головой. – Как искин на секторалке. Ладно, это мы потом разберемся. Хорошо, что портал сделали, и то хлеб, как говорится.

– Угу. Слушай, – Ит остановился. – Мне тут вспомнилось... мы про это говорили раньше, но почему-то съехали

уже давно с темы. Помнишь, на Берегу Сирин говорила про удвоение? Что она во всём видела при жизни удвоения? Это был последний наш разговор с ней, перед уходом, и я его хорошо запомнил. Она говорила, что видела при жизни всего по два. Две скалы, два облака, два дерева, две бабочки. Берта и Эри – примерно то же самое. Да, да, да, я помню, что это может быть вторым маркером, но...

Ит запнулся.

– Продолжай, – потребовал Скрипач. – Допер до чего-то, да?

– Памятники, – ответил Ит. – Теоретически. Чисто теоретически пока что. Кто-то из них мог при жизни попросить обозначить это удвоение и на памятнике тоже. Как-то. Или еще что-то, что могло сохраниться. Те же рисунки, например. Больше чем уверен, что от той же Сирин в том мире, где она жила, должны были остаться хотя бы рисунки.

– То есть ты хочешь дать этот маркер Альтее, – утвердительно сказал Скрипач. Ит согласно кивнул. – Дай. Хуже от этого точно не будет. Но, Итище, это всё равно второй маркер. Первого у нас нет по сей день.

– Ладно, – сдался Ит. – Значит, нет.

Система их разговор, разумеется, не слышала – для неё Ит и Скрипач просто шли сейчас по направлению к метро, разговаривая обо всём и ни о чём. Погода, дома, дорога.

– Ит, слушай, а мы сами? – вдруг спросил Скрипач. – Мы же с тобой почувствовали Берту, да? Когда впервые увиде-

ли? Нас тут таких сейчас четверо, Пятый с Лином, пожалуй, даже лучше сумеют это сделать.

– Не знаю, – Ит вздохнул. – Рыжий, мы говорили про это сто раз, а ты опять туда же. Пусть чуть с иной стороны, но всё равно туда же. Слишком велика вероятность ошибки, ты же понимаешь.

– Знаешь, что я сейчас вижу? – сердито спросил Скрипач. Ит отрицательно покачал головой. – Я вижу, что у нас слишком велика вероятность не найти вообще никого. Особенно если мы будем игнорировать то, о чем я сказал раньше.

– Давай предложим остальным, – пожал плечами Ит. – Но мне кажется, маркер мы найдем, и какой-то иной. Всё ранее перечисленное тоже может сработать, но будет что-то ещё.

– Достала уже эта твоя интуиция, – Скрипач с досадой поморщился. – Поехали домой.

Берту они обнаружили в курилке на бульваре, и слегка удивились – потому что группа планировала работать в гостинице, и, по идее, именно там Берта и должна была находиться. Но нет. Первым заметил жену Скрипач, когда они вышли из метро – курилка располагалась в пределах видимости, недалеко от входа в вестибюль, он дернул Иту за рукав, и они, не сговариваясь, пошли в сторону лавочки, на которой она сидела. Берта, конечно, их тоже заметила, и поднялась навстречу.

– Ты чего здесь делаешь? – спросил Скрипач.

– Как съездили? – вопросом ответила Берта.

– Нормально. Так чего ты здесь? – повторил Скрипач.

– Мы поссорились. Опять, – с досадой произнесла Берта, отворачиваясь.

– Из-за чего? – безнадежно спросил Ит.

– «Принцессы». Фэб с Рэдом считают, что здесь их быть не может, и не хотят принимать мои доводы, причем ни Идущие к Луне для них не аргумент, ни слова Эри о том, что она «принцесс» в своем окружении несколько раз встречала, – раздраженно ответила Берта. – Да, знаю, старый спор, но вот опять вылез.

– А остальные где? – спросил Скрипач.

– Эри с ребятами поехали искать могилу её мамы, как всегда в Сонме, мужики заканчивают с базой, – ответила Берта. – Выборка под два миллиона пока что, но до завтра срежем, конечно. На порядок точно срежем.

– Уже хорошо, – Скрипач улыбнулся. – Не переживай ты так, маленькая, – попросил он. – И потом, аргумент Фэба о Джессике, найденной на Онипрее...

– Не отменяет вероятности существования на Онипрее наблюдателей другой фазы, то есть других интеграций. Вспомните, сколько там было любителей тех же кукол, – тут же парировала Берта. – Просто никто понятия не имел ни о чем, и поэтому никого не искал. Да и Джессика нашлась, по сути, случайно. Именно эта Джессика, конечно, потому что

у меня есть сильное подозрение, что там были и другие.

– Ладно, – сдался Ит, который понял, что спорить с рассерженной женой в данный момент бесполезно. – Скажи лучше, вы обедали?

– Когда? – горько спросила Берта. – Не до того было пока что.

– Тогда вызывай мужиков, и пошли есть, – предложил Скрипач. – И не надо ссориться ни с кем, у нас, чувствую, скоро и без этих ссор головы будут квадратные от этого всего.

– ...потому что нельзя исключать эту возможность, Фэб. Нельзя! – Берта, кажется, хотела бросить вилку на тарелку, но вовремя спохватилась, и аккуратно положила вилку на салфетку. – Мы сейчас даже не знаем всех факторов, которые могут существовать, так почему, скажи на милость, мы должны игнорировать то, что нам хотя бы известно?

– Время, – было видно, что Фэб уже сдался, но всё-таки пытается отстоять свою позицию. – Бертик, миленькая, у нас очень сильно ограничено время. Нам сейчас хотя бы одну гипотезу подтвердить, и...

– А где гарантия, что эта итерация принадлежала именно Сэфес, а не Барду? – выдала главный аргумент Берта. – А может быть, итерации в принципе общие, и наблюдатели оказываются в мирах противоположностей в равных долях?

Нет, Фэб. Нет. Мы будем искать и «принцесс» тоже.

– Ладно, – Фэб обреченно вздохнул. – Прогнозируемая выборка Альтеи на завтра – сто шестьдесят тысяч человек. Без учета территориальной привязки.

– А если с ней? – спросил Ит.

– Около ста тысяч. Но, опять же, территориальная привязка спорна, – добавил Фэб.

Об эту теорию за два года было сломано немало копий, но однозначного вывода пока что не было, да и не могло быть – хотя бы потому что, подтвердись этот вывод, пришлось бы пересматривать теорию всего Русского Сонма, как такового. Теорию эту выдвинул Саб, который как-то раз заявил, что и «наблюдатели», и «принцессы» могут быть территориально связаны с хорошо всем известной системой порталов. В пример он привел, разумеется, Эри, а затем и Берту – но тут же налетел на гневную отповедь именно от этой самой Берты, которая принялась ему объяснять прописные истины. В частности, о том, что *nota notae est nota rei* (признак признака есть признак самой вещи) давным-давно признано ошибочным утверждением, и что нечего пытаться натянуть сову на глобус, в первую очередь, за неимением совы. Слегка опешивший Саб поинтересовался, что же она имеет в виду под совой, и Берта ответила, что сова в данном случае – это отсутствующие в мирах Сонма «наблюдатели» либо «принцессы», которых в кривом силлогизме, который пытался построить Саб, следовало бы признать субъектами. И потом,

уже слегка остыв, добавила Берта, у нас всё равно нет данных. Нет, Саб, и взять их в данный момент неоткуда. Поэтому работать мы будем с тем, что есть сейчас. И не более. Нечего пока что плодить сущности сверх необходимости.

– Значит, Альтея будет смотреть эти сто шестьдесят тысяч, – подытожила Берта.

– Бертик, у меня вопрос, – Эри тоже отложила вилку, и подняла голову. – А вот если человек, которого мы ищем, не был похоронен так, как положено? Но сведения остались. Их мы когда будем...

– Вторая фаза, – Берта вздохнула. – В первой фазе поиска у нас «границы памяти». Во второй – местные сети, и артефакты другого рода. И на счет этих артефактов у меня...

– Большие сомнения, – галантно подсказал Рэд. – Ребята, давайте признаем очевидное. У нас эти сомнения уже два года, и чем дальше, тем их больше. Поэтому идём строго по плану. Не распыляемся. Возникнет что-то дополнительное, будем рассматривать.

– Спасибо, Рэд, – кивнула Берта. – Ты совершенно прав.

– На счет «принцесс»... – начал было Фэб, но Берта не дала ему закончить вопрос:

– Будем искать наравне с «наблюдателями», – отрезала она. – Вспомни, пожалуйста, Аглаю. Кроме того, есть еще один момент, о котором мы все пока что тактично молчим.

– Это какой? – с подозрением спросил Скрипач.

– Мы по сей день понятия не имеем, как формировалась

та итерация, которую нашла Эри, и благодаря которой мы здесь, – пояснила Берта. – Ни у одной итерации не было принадлежности. Ни у одной, вы понимаете? Не было даже малейших признаков, которые хоть как-то могли бы на эту принадлежность указывать. Поэтому...

– Поэтому давайте доедать, и пойдёмте работать, – подытожил Пятый. – Мы и так два часа пропустили.

– Могилу нашли? – спросил Ит.

– И, да, и нет. Как и везде. Снова пустое место, там в этот раз дерево оказалось, большое, – Эри вздохнула. – Правда, пойдёмте работать. Не хочу думать про это всё. По крайней мере, сейчас точно не хочу.

– Какой-то стеклянный город, – заметила Берта, когда они вышли из ресторана, и направились к гостинице. – Здесь очень много всего восстанавливают так же, как ту дверь. Марфа сказала, что ближе к бульвару есть практически полностью стеклянный дом, он в процессе работы, по её словам. Надо будет потом сходить и посмотреть. Сходим?

– Сходим, только давайте завтра, – предложил Ит. – В Чертаново, кстати, не так. Там вполне себе обычные дома, ничего стеклянного мы не видели. А ещё там конюшни с лошадьми. Надо будет потом съездить, может быть, даже поката́ться. Хотите?

– Можно, наверное, – Берта пожала плечами. – Если будет

время. Как вам ресторан, кстати?

– Хороший, вкусно, – Скрипач усмехнулся. – Гарика бы сюда, было бы весело. Наверное. Он бы точно оценил интерьер и кухню.

– Вот на счет интерьера, кстати, – Эри замедлила шаг. – Ребята, вам не кажется, что это восстановление как-то не очень логично выглядит? Мир, он всё-таки должен идти вперед, а не превращаться в это вот всё... стеклянное... Они словно консервируют планету.

– Ну, не скажи, – тут же возразил Лин. – Машины вполне себе новые, оборудование в гостинице тоже современное, интелекронная система без спросу советы раздает, курилка так и вообще модная, которая у метро. Так что не до такой степени они и консервируют, как мне показалось. Восстанавливают что-то, но при этом обратно в пещеры залезать вроде бы не планируют.

– А не проще будет спросить? – заметил Скрипач. – Марфа, у нас возник вопрос о городе, точнее, о зданиях и объектах, которые восстанавливаются. С какой целью это делается, и почему нет замены на что-то новенькое?

Система ожила мгновенно, и, кажется, она ждала этого вопроса.

– Городам, и не только им, возвращают красоту, – сказала она. – Решение об историческом облике принимается на основании волеизъявления жителей. Система создает ряд визуальных макетов того или иного места, и предлагает людям.

Они выбирают наилучший, и он поступает в работу. Начинается розыск виновных для привлечения их к...

– Стоп, – Ит поднял руку. – Виновных? Мы не ослышались?

– Именно виновных, – ответила система. – Вы спрашивали о гостиничной двери. Она не разрушила сама себя. Её разрушил человек. Этот человек получает поручение: восстановить объект. Полностью.

– А если человек уже умер? – спросил Скрипач.

– Вина переходит его потомку, – голос системы стал вдруг тяжелым. – Чаще всего потомки берут на себя вину добровольно.

– Погоди-погоди, – Скрипач нахмурился. – То есть на практике это выглядит как? Кто-то где-то искал обломки двери, потом собирал их воедино, и...

– Совершенно верно, – ответила система. – На восстановление двери гостиницы ушло одиннадцать лет. Потомок вандала оказался сознательным совестливым человеком, и по сей день занимается восстановлением объектов, уничтоженных его дедом. Он достойный гражданин, получил право на шестого ребенка, и живет в пригороде Москвы, в отдельном доме. И он, и его потомки уже подтвердили право на геронто второго уровня.

– О-фи-геть, – тихо произнес Лин с нескрываемым восхищением в голосе. – То есть этот мужик, получается, собирает всю сознательную жизнь обломки, и клеит из них двери

и всё прочее?

– О, нет, не только, – система усмехнулась. – Сейчас он занят восстановлением дома, в сносе которого принимал участие его дед. В доме в процессе сноса были убиты три человека. Их тела оказались вывезены на свалку, и завалены обломками того, во что превратился дом. Поэтому одни люди в данный момент собирают и восстанавливают кирпичи и прочие материалы, а другие... – система запнулась. – Собирают то, что осталось от тел, для внесения в «границы памяти» и достойного захоронения.

– И ещё раз офигеть, – Лин покачал головой. – Слушайте, Марфа, а тут вообще кто-то чем-то ещё занят?

– Разумеется, – кажется, система удивилась. – На восстановлении работает всего шесть процентов населения планеты. Этого, конечно, мало, потому что планету требуется привести в порядок в максимально короткий срок, но...

– Ясно, – Ит решил, что стоит попробовать зайти с другой стороны. – Марфа, на счет эстетики. Люди, как бы правильно сказать, существа порой неискренние. Сговор, хитрость, выгода – ну, вы понимаете. Такой вариант исключен?

– Да, он исключен, – серьезно ответила система. – Обман слишком легко раскрыть. Сговор быстро станет заметен. Выгоды в данный момент не способен получить никто, потому что до окончания процесса входа в конклав и восстановления мира обогащение отдельных граждан остановлено. Это жестокие меры, но они необходимы.

– Для чего? – спросила Берта.

– Для того чтобы люди научились ценить мир, в котором они живут, – жестко ответила система.

– Интересно, они это сами придумали, или кто-то подсказал? – спросила Эри, когда они дошли до гостиницы.

– Конклав, – пожал плечами Фэб. – Да, на этом этапе приятного мало, согласен. Зато потом будет неплохо. И весьма неплохо.

– Это гнусно выглядит, – покачал головой Лин. – Заставлять человека отвечать за то, что сделал дед или прадед... как-то не очень хорошо. Он же не виноват.

– Ну, как сказать, – возразил Фэб. – А убить в процессе сноса дома троих людей – это не гнусно? Может быть, и дом был красивый, и место хорошее, но кому-то оно для чего-то понадобилось, и произошло то, что произошло. Что же до вины, то многие ощущают эту самую вину за своих предков. Да, Саб?

Саб тяжело вздохнул. И Рэд тоже.

– Да, – сказал Саб после непродолжительного молчания. – Я порой ненавижу себя. И чувствую себя виноватым. За то, что похож на старшего отца, например. Тот еще был подлец. За то, что творили младшие отцы. Да много за что.

– Та же история, – кивнул Рэд. – Т-Кауса, понимаете ли, тоже отнюдь не невинные вельши с зеленой лужайки. И я то-

же порой чувствую... н-да, не хотелось бы об этом говорить. Так что если тот человек ощущает то же самое, я его понимаю. Не всё так просто, как хотелось бы, Лин. Приятного в этом мало, но мы оба, и Саб, и я, вынуждены признать, что не так уж и неправы местные, которые решили поступить подобным образом.

– Ладно, – кивнул Лин, соглашаясь. – Хватит об этом, наверное. Давайте работать дальше. Посмотрим, что за время нашего отсутствия сумела придумать Альтея.

4

Нитяные куклы

– Негусто, – голос Берты был недовольным, – то есть я хотела сказать, что на самом деле даже слишком густо, но при этом пока что пусто.

– Это ты о чем? – полюбопытствовал Ит.

Сейчас они сидели в кафе при гостинице, и завтракали – омлет, тосты с маслом, кофе, и бутерброды. Хорошая, качественная, простая еда, без изысков и туристического шика. В самый раз.

– О том, что пока кто-то давил подушку, другой кто-то уже просмотрел результаты, сделанные Альтеей за ночь. Она предлагает нам сущую ерунду, Ит. Всего лишь сорок восемь тысяч вариантов.

– Чудесно, – хмыкнул Ит. – В России?

– Ах, если бы. По всему миру. Понимаешь, проблема во времени, – Берта задумалась. – Если бы могли найти хотя бы один временной маркер, область поиска сократилась бы в несколько раз. Но у нас временная вилка сейчас – пятнадцать лет. Потому что, как ты сам знаешь, здесь это обязательное условие. Да, время может быть нелинейным, но мы сейчас – не во фрактале, а сама итерация – это как указатель

или пометка на карте...

– Которая нам показывает, что клад зарыт там-то и там-то, – добавил Ит. – Но когда его зарыли, карта не знает. Малыш, я понимаю. Что ты предлагаешь?

– Пока что ничего, – Берта погрустнела. – Пока что всё будет идти так, как оно идёт. Альтея перетряхивает покойников, мы намереваемся бродить по порталам, и скидывать местным не нужные им частотные характеристики, и так далее.

– Слушай, я тебя знаю настолько хорошо, насколько это вообще возможно, – строго сказал Ит. – Ведь ты же что-то ещё придумала, я прав?

– Не то чтобы придумала, но мысли есть, – неохотно сказала Берта.

– Выкладывай, – потребовал Ит. – Ну хоть мне скажи. Если не хочешь остальным.

– Хорошо. Саб был прав, как мне кажется. Должна быть связка с порталами. Потому что, – Берта понизила голос, – без этой связки мы не выстроим следующий шаг. У нас есть только один объект, эта планета. Так?

Ит кивнул.

– А должна быть не одна. Потому что Слепой Стрелок задевает не только тех, о ком пока что идёт речь. Мне кажется, остальные тоже это понимают, Пятый не просто так говорил об Окисте, как о возможной первой итерации, но, – Берта развела руками, – у нас первая именно эта. И не просто так. Я

уверена в том, что она является исходной стартовой точкой.

– Во что мы ввязались, – Ит обреченно вздохнул. – Допустим, Пятый действительно про это говорил, и это понял. Но учителя... Бертик, я не представляю себе, как этот мир может быть связан с Контролем в любом виде. Вообще не представляю. И Лин с Пятым, как мне кажется, этого не представляют тоже.

– Я боюсь ошибиться, – Берта опустила голову. – Сколько лет Ри убил на проект, который казался ему верным, а оказался в результате ошибочным. И как мы будем подтверждать выкладки? Мы про это молчали два года, но, родной, скажи – мы найдем следы кого-то, мы подтвердим теорию о работе Слепого Стрелка в этом мире, но доказательства?

– Доказательства чего именно? – не понял Ит.

– Хотя бы того, что они были теми, кем мы хотим их видеть, – безнадежно отозвалась Берта. – Повторю, я боюсь ошибки. Больше всего на свете я сейчас боюсь ошибки. Ты же понимаешь, какой результат у этой ошибки может быть.

– Вот что, – решительно сказал Ит. – Давай так. Сейчас спустятся остальные, выпьем кофе вместе с ними, а потом ты пойдешь к себе, и сделаешь новый план работы. Сама. И мы будем идти по этому плану. Потому что все прежние можно выбрасывать, как теперь стало понятно. Знаешь, мне тоже не очень нравится чувствовать себя слепым щенком в коробке, – добавил он. – Щенком, который пытается ползти во все стороны сразу, и тыкается носом в стенки. Ты у нас научный

руководитель? Вот и руководи. Может быть, в процессе что-то изменим, но тут уже как сложатся обстоятельства.

– Пытаешься спихнуть ответственность, – хмыкнула Берта. – Но... ладно. Уговорил. Сейчас мы действительно пытаемся бежать во все стороны сразу, а это никуда не годится.

– Берта нервничает, – сообщил Ит, когда они со Скрипачом садились в машину. В этот раз решили съездить в Нагатинскую пойму, попробовать снять второй портал из списка.

– Почему? – рассеянно спросил Скрипач.

– Боится ошибки. Попросил её сделать новый план работы, – Ит вздохнул. – С учетом новых данных.

– Это каких? – не понял Скрипач.

– Да всего того, что мы за эти дни увидели и проговорили, – ответил Ит. – Садись давай быстрее, тут нельзя долго стоять... Марфа, доброе утро, – сказал он. – Нам нужно в Нагатино, точнее, в место, которое называлось Нагатинской поймой.

– Оно и сейчас так называется, объект восстанавливают, – ответила система. – Желаете посетить?

– Да, если это разрешено, – ответил Скрипач. – Там находится еще один портал, нужно повторить в нём такой же эксперимент, как вчера.

– Думаю, это возможно, – ответила система. – Желаете проехать через город, или вдоль реки?

– Вдоль реки, – решил Скрипач. – Это должно быть познавательно.

– О, да, это познавательно, – согласилась система. – Вы хотели рассмотреть стеклянный дом в конце улицы? Во время пути мы встретим несколько подобных строений. Можем остановиться, чтобы вы смогли получше рассмотреть их.

– Спасибо, – кивнул Ит. – На обратной дороге, видимо. Сперва работа.

Нагатинская пойма являла собой более чем странную картину – когда машина, высадив их на обочине дороги, отъехала, Ит и Скрипач замерли на месте в глубочайшем изумлении. Они ожидали увидеть всё, что угодно, но только не то, что сейчас находилось перед ними.

Больше всего местность напоминала развороченное, словно после бомбежки, поле, в котором кое-где виднелись островки относительно ровной почвы. Тут и там по этому полю бродили люди, то есть некоторые бродили, а некоторые сидели на табуреточках или на корточках, и занимались... непонятно чем.

– Марфа, что тут произошло, и что они делают? – недоуменно спросил Скрипач.

– И как тут снимать данные с портала? – добавил Ит. – Кажется, там и пройти будет нельзя...

Место портала было разворочено так, что стало понят-

но – ни о какой установке датчиков не может идти и речи. Во-первых, из-за большого количества людей, во-вторых, из-за того, что ни Ит, ни Скрипач не стремились пока что продемонстрировать Марфе свои агентские навыки, прыгая по пяти-шести метровым кучам земли.

– В пойме производятся работы по восстановлению почвенного слоя, – объяснила система. – Дело в том, что предки, к сожалению, произвели здесь разрушительные действия. Сперва почва была отравлена, затем было произведено изменение формы русла реки, затем на этой площади построили комплекс для развлечения, изуродовав пойму ещё сильнее. В данный момент работы по дезактивации оставшейся почвы завершены, сооружения, построенные здесь, с позором уничтожены. Идет процесс возвращения на место ранее вывезенной почвы. Затем будет производиться процесс регенерации уничтоженных деревьев. После этого будут воссозданы уничтоженные животные и птицы, потом объект будет законсервирован на срок пятьсот лет.

– Погодите, уважаемая Марфа, – медленно произнес Скрипач. – Это было официально и замечательно. А можно теперь по-человечески? Мы не всё поняли.

Ит согласно кивнул. Не всё – это было ещё мягко сказано. У него появились какие-то смутные подозрения, которые через пару минут подтвердились полностью.

– Сперва была произведена полная дезактивация грунта. Соли тяжелых металлов, токсичные вещества, мусор, – стала

разъяснить система. – Двадцать лет ушло на то, чтобы полностью очистить место. Сначала от построек вандалов, потом от следов их деятельности. Далее. Был произведен поиск места, в которое вывезли срезанный здесь грунт. Он был проанализирован, и сейчас уже почти весь вернулся на место...

– Стоп, – приказал Ит. Система послушно смолкла. – То есть вон та куча земли, например. Она разнородная, верно? И что эти люди делают?

– Сортируют фрагменты и кладут на место, – произнесла система с легким недоумением. – Что же ещё?

– В смысле, кладут на место? – Скрипач проследил за человеком, который подошел к куче, взял из неё буквально щепотку, и пошел куда-то в сторону. – То есть совсем на место? Где она была... раньше?

– Да, где она была сто восемьдесят лет назад, – объяснила система. – На восстановление одного квадратного дециметра почвенного покрова уходит в среднем год. Но, как вы можете наблюдать, работающих много, и пойму удастся восстановить приблизительно через восемьдесят лет. В том виде, в котором она была до разрушения.

– Это по всему городу так? – спросил Ит с опаской. Не дай мироздание наступить на какую-нибудь травинку, ещё восстанавливать заставят.

– Нет, конечно. Такое тщательное восстановление производится только для объектов, которые признаны заповедными. Пойма – один из них. Каждый клочок земли, каждое рас-

тение, каждая птица, каждое животное должны вернуться на свои места, и вступить в круг жизни, – объяснила система. – Да, это сложная задача. Но достойная.

– Марфа, там кого-то бьют, – сказал Скрипач, приглядываясь. – Вон там, вдалеке. Это что такое?

– Это наказывают вандала, – беспечно ответила система. – Их имеют право наказывать достойные жители города. Не волнуйтесь, вечером его вылечат. К тому же бить допускается только специальным инструментом и по определенным местам.

– Эммм... его хреначат деревяшкой по голове, – у Скрипача округлились глаза. – И довольно сильно. Марфа, прошу прощения, конечно, но это уже явный перебор.

– Нет, – в голосе системы вдруг зазвучал металл. – Это в самый раз. Данная тварь, – слово «тварь» система произнесла с явным отвращением, – приехала в город разрушать и калечить. На его совести – сотни метров изувеченной почвы, сотни срубленных деревьев, сотни загубленных жизней. Когда вступила в силу программа, он был глубоким стариком, но в своих деяниях не раскаивался ни секунды. Ему было даровано геронто, дан возраст ранней зрелости, и теперь его работа – вернуть всё, что он цинично уничтожал. Лишь после этого он получит право снять геронто, и упокоиться. Однако, – голос системы потяжелел, – упокоится он на одном из Холмов Позора, а его потомки будут лишены права продления жизни и права покидать планету. То есть его

род будет навечно покрыт позором и с позором же вымрет.

– Какие вы добрые, – пробормотал Скрипач. – А не слишком?

– Не слишком, – жестко ответила система. – За подлые поступки надо платить.

– А как же «дети за отцов не отвечают»? – спросил Ит.

– А как же «яблоко от яблоньки недалеко падает»? – парировала система.

– А как же «не жили богато, нечего и начинать»? – спросил Скрипач.

– А это тут при чем? – повернулся к нему Ит.

– Я думал, мы в поговорки играем, – рыжий пожал плечами.

– Идиот, – сердито произнес Ит. – Так, ладно. Проехали. Конечно, это ваше дело, Марфа, и ваш мир, но нам показалось, что такие меры... ну, несколько слишком уж радикальные. Неужели нельзя завезти сюда хорошую землю, всё выровнять, и посадить красивый парк?

– Нет, – голос системы вдруг стал печальным, прежняя злость и бравада из него полностью исчезли. – В том-то и дело, что нельзя. Понимаете, город сам принимает решение, что и как восстанавливать. Такие места, как это, возвращаются именно таким вот образом. Сложно, долго, дорого. Но это память, важнейшая память прежних поколений, которую нужно передать в первозданном виде поколениям грядущим. Не отдать новодел, пусть и красивый, а передать нечто

настоящее и живое. Напротив Коломенского сейчас восстанавливают лес. Лес, который тоже был варварски уничтожен. Сейчас там стоит стеклянный лес, а на берегу, в разрешенных местах, установлены блоки восстановления для животных и птиц, которые погибли из-за вырубki. И, поверьте, ту нечисть, которая рубила, бьют чаще, чем здешних.

– А тех, кто отдавал приказы рубить? – поинтересовался Ит.

Система вдруг рассмеялась.

– Я вам как-нибудь покажу мэра, – пообещала она. – Последнего мэра, и предпоследнего тоже, наверное. Это стоило огромных денег, их пришлось воссоздавать, потому что оба успели издохнуть ещё до реформ...

– Воссоздавать?! – изумился Скрипач.

– Ну да. И нашим ещё повезло, видели бы вы, что делают с мэрами в Южной Америке, или в Индии, и в Африке, или в Китае. Думаете, города уродовали только здесь? Москве ещё повезло. Последний мэр Нью-Йорка покусился на Центральный парк. И его теперь каждый вечер вешают в Центральном парке при большом скоплении народу.

– Я хочу домой, – жалобно произнес Скрипач. – Вы тут все с ума посходили, как мне кажется.

– Нет, что вы, – заверила система невинным голосом. – Это временные меры. Мы должны выучить этот урок. Выучить так, чтобы не забыть никогда.

Пока Скрипач переговаривался с системой, Ит наблюдал

за людьми, которые продолжали ходить между кучами земли тут и там. Наверное, это в чём-то правильно, подумалось ему внезапно. Разрушить легко, а попробуй восстанови обратно, как было, то, что ты сам и разрушил. Это научит бережному отношению к тому, что тебя окружает, к чужому труду, к земле. И это сперва, может быть, и кажется перебором и доведением до абсурда, но...

Но та же приемная мама в ДС-35 сажала цветы – Ит в детстве и в юности часто ей помогал. Что они делали? Сперва готовили клумбы. Вынимали всю прошлогоднюю землю, если требовалась замена, упаковывали в специальные мешки. Потом приходил транспорт, который заказывала мама, землю они сдавали, и взамен получали свежую. А уставшая земля уезжала «отдыхать», то есть на регенерацию. Её восстанавливали, и потом на неё меняли уставшую. И так по кругу. Это для города, конечно, для места, где ты сам не сможешь регенерировать землю.

А Окист? А клумбы с цинниями? Ит покачал головой. У него рядом с домом имелось несколько мест, в которые он каждую осень укладывал обедневшую землю, а потом, по графику, который сам же установил ещё очень давно, брал из этих мест землю отдохнувшую, для тех же цветов и овощей. А постройки? Попробуй, построй что-то на Окисте. Да, да, на Окисте, всё население которого уже очень давно – двадцать миллионов человек. Без специального разрешения, без предварительных работ и расчетов тебе никто ничего ни-

когда не разрешит там строить. Сколько стоило разрешение на постройку дома, и сколько времени они убили, чтобы получить это разрешение – вспомнить страшно. И ведь по сей день гильдия строителей контролирует место, чтобы ни в коем случае ничего не добавили, и не переделали.

– Пожалуй, вы правы, Марфа, – сказал Ит. – Не во всём, и... то, что вы сказали, прозвучало несколько неожиданно, и даже, в некоторой степени, жестоко, но, видимо, мы слишком давно выучили этот урок. Настолько давно, что он стал для нас данностью. И мы перестали задумываться о нём. И той цене, которую за него приходилось платить тем, кто оказался в первых рядах.

– Хорошо, что мы поняли друг друга, – кажется, система обрадовалась. – Хотите, я расскажу вам о находках, сделанных на этом месте? Их множество. Мы даже создали музей, в который попали некоторые из них.

– Интересно, – ответил вежливый Ит, которому на самом деле, что уж греха таить, не было так уж интересно. – И что же тут находили?

– От захоронений домашних животных, до культовых и обрядовых предметов, – с гордостью сказала система.

– Знаете, Марфа, давайте вы передадите информацию о находках Альтее, и мы посмотрим всё вечером, чтобы сейчас не тратить время? – предложил Ит. – А сейчас мы попробуем дойти до центра портала, чтобы снять характеристики с узловой точки. Не думаю, что есть смысл снимать карту, по

крайней мере, сегодня мы это точно делать не будем.

– Как скажете, – отозвалась система. – И всё же я бы порекомендовала вам посмотреть на стеклянный лес. Завораживающее зрелище. Деревья были перемолоты в труху, а труху рассыпали на площади в сто гектаров. Сейчас вандалы собирают деревья обратно из этой трухи, дерево за деревом.

– Технологию для возрождения деревьев вам предоставили живы? – спросил Скрипач, хотя ответ был очевиден.

– Разумеется. Причем безвозмездно, – ответила система. – Равно как и технологию живых дорог. Мы очень благодарны им за такую помощь.

– Да, это достойный поступок с их стороны, – кивнул Ит. – Марфа, вызывайте нам машину, мы смотрим узел, и через пять минут поедем обратно. Здесь, кажется, мы увидели уже достаточно.

– Жутковатое место, – Эри зябко передернула плечами. – Конечно, я была категорически против застройки поймы, там, дома, на Соде. Но чтобы вот так... вот так её возвращать? Это как-то слишком.

– Думаешь? – Берта прищурилась. – Да, сперва это шокирует. Но я посмотрела подробности, и не всё так плохо. Эти люди прошли геронто, им вернули возраст, то есть никто не заставляет работать немощных стариков. Они получают любую еду в том объеме, который им нужен, они живут в при-

личных условиях, могут в свободное время передвигаться по городу. Могут отдыхать. Могут видаться с семьями, которые, правда, живут уже не здесь, а в местах по рождению, но, судя по тому, что есть в местной сети, там всё более чем хорошо. Да, их лишили права на продление жизни, да, через несколько поколений они могут исчезнуть, но – почему-то Марфа не сказала вам про искупление, а ведь оно возможно. Нет, не для виноватых, но для потомком – запросто.

– Но их же там бьют, – напомнила Эри.

– Только самых отъявленных, – покачала головой Берта. – Всех подряд бить нельзя. Там довольно сложная система наказания, она гибкая, и предусматривает множество вариантов. Например, если человека вынудили так поступить обстоятельства, и сам он был в душе против происходящего, наказание будет минимальным. А вот для тех, кто ловил кайф от того, что делал... ну, понятно. Можешь спросить у Марфы, она тебе выдаст кучу подробностей.

– Потом как-нибудь, – Эри вздохнула. – Курить пойдем? Илиждеждемся, когда ребята вернутся?

– Дождемся, – Берта на секунду задумалась. – Или не надо? Альтея, – позвала она. – Давай перейдем на мобильный канал, тебе ведь уже дали разрешение, верно?

– Да, – отозвалась Альтея. – Индивидуальные трансиверы разблокированы. Мы можем общаться свободно.

Это более чем странное требование – выходить на связь с системой корабля только из гостиницы – они оспаривали

двое суток, и, наконец, решение было принято. В их пользу. Конечно, этот идиотский запрет запросто можно было обойти, но ФЭб сказал, что не нужно, придется выполнить требование. Не исключено, что это проверка, и лучше пройти её достойно.

– Хорошо, – кивнула Берта. – Тогда идём курить.

– У меня есть заметка по артефактам поймы, – вдруг сказала Альтея. – Я проанализировала объекты музея, мне кажется, кое-что будет вам интересно.

– А ну-ка? – Берта подняла голову. – Выкладывай.

В номер вошли Ит, Скрипач, Лин, и Пятый.

– Чего ты там нашла, большая умная железяка? – спросил Скрипач, который, разумеется, слушал по дороге разговор.

– Предметы, названные в описании каталога объектами индивидуального культа, – ответила Альтея.

– То есть некто создал себе что-то типа верования, и приносил в пойму какие-то предметы? – спросила Берта.

– Совершенно верно, – ответила Альтея. – Но мне показалось любопытным другое.

– И что же? – поторопил Скрипач.

– То, что все предметы изначально находились в области портала. Все восемь предметов были вывезены с мусором и грунтов во время стройки, но в процессе восстановления поймы были обнаружены в грунте, соотнесены с поймой, их изначальное местоположение было восстановлено.

– Стоп, – приказал Ит. Альтея смолкла. – Ты ведь счита-

ешь, что эти объекты связаны с нашими поисками, не так ли? – спросил он.

– Не исключаю такой возможности, – сказала Альтея.

– Что за объекты? – спросила Берта.

– Нитяные куклы.

– Можно подробнее? – с интересом спросил Ит. – Покажи, пожалуйста.

Перед компанией возник визуал с трехмерным изображением – какой-то спутанный, небольшого размера клубок, больше всего походивший на комок грязи.

– Похоже на смятую грязную тряпку, – озвучила общую мысль Эри. – Это кукла?

– Это один из объектов до восстановления, – пояснила Альтея. – А вот исходный вид.

Рядом с первым изображением возникло второе. Проволочный человечек, обмотанный темного цвета нитками. Впрочем, человечком эту фигурку можно было назвать лишь условно, потому что никакой детализации у фигурки не было. Просто проволочный каркас, и намотанные на него во много слоев нитки.

– Примечательным является то, что внутри каждой фигурки находилась парафиновая капсула, внутри которой было запечатано вырезанное из фольги сердечко, – продолжила Альтея. – И ещё один момент.

– Какой? – спросила Берта.

– Все фигурки были парными. Всего найдено четыре пары

фигурок, – бесстрастно ответила Альтея.

– Круть, – сказал Скрипач. – Спасибо, большая добрая железяка. Огорошила. Автора найти реально?

– Автор не найден, – ответила Альтея. – Рекомендую ознакомиться с подробностями в архиве музея, через систему Марфа.

– Спасибо, – Фэб, который, оказывается, вошел в комнату, но до сих пор молча стоял у входа, наконец-то подал голос. – Альтея, ответь сейчас только на один вопрос. Ты можешь соотнести временные периоды? Время появления фигурок в пойме и временная вилка итерации Слепого Стрелка совпадают?

– Да, – ответила Альтея. – Время совпадает.

– Внеси поправку на это время в базу поиска, – приказал Фэб.

– Ты уверен... – начала было Берта, но Фэб её перебил:

– Да. Да, я уверен.

– Но почему? – недоуменно спросил Лин.

– Глаза разуй, – мирно посоветовал Фэб. Он максимально приблизил картинку восстановленной фигурки. – Вы что, ослепли все разом? Ничего не замечаете?

– А... – начала было Эри и осеклась. Потому что поняла. И все остальные поняли тоже. При близком рассмотрении становилось понятно, что нитки, опутывавшие фигурки, не однотонны. Обмотка состояла из ниток двух цветов. Оранжевого, пусть и с трудом различимого, и вполне хорошо со-

хранившегося чёрного.

– Завтра с утра поедem в этот музей, – предложил Рэд. – Может быть, на фигурках есть что-то, что они не заметили?

– Генетический след? – уточнил Фэб. Рэд кивнул. – Пусто. Они проверили это в первую очередь. Там ничего нет по генетике, да и не может быть. Странно, что сами фигурки сохранились хоть как-то, повезло, что их сумели обнаружить.

– Ну, то, что они обнаружили, фигурками уже не являлось. Но, следует признать, их дотошность в восстановлении поймы сыграла нам на руку, – заметила Берта. – При других раскладах от этих фигурок даже воспоминания бы не осталось.

– Это да, – кивнул Фэб. – Ребята, какие мысли есть?

– На счет чего? – уточнил Пятый.

– На счет... ну, например, автора кукол, – подсказал Фэб.

– Думаю, это женщина, – осторожно предположил Пятый.

Лин кивнул. – Скорее всего, молодая.

– Спасибо, капитан очевидность, – хмыкнул Скрипач. – Но совсем не факт, что молодая. Почему ты так решил?

– Сердечки, – пожал плечами Пятый. – Я могу ошибаться, но такая символика характерна всё-таки для кого-то помоложе.

– С натяжкой, но принимается, – кивнул Фэб. – Дальше.

– Мне кажется, она жила где-то неподалеку, – предполо-

жил Лин.

– Почему? – спросил Ит тут же.

– Да потому что много фигурок. Они нашли восемь штук, да? Восемь. Может быть, их было даже больше, просто некоторые не сохранились вообще ни в каком виде. Или, например, кто-то нашел их и унёс. Но всё равно, их много, – Пятый задумался. – Могу предположить, что девушка жила где-то недалеко, и ходила в пойму часто, например, гуляла с собакой. Рыжий, помнишь, там гуляли с собаками, мы с тобой видели...

Он осекся, с опаской глянул на Ита – а ну как тот начнет задавать наводящие вопросы? – но Ит молчал, ожидая продолжения.

– То есть она могла брать этих кукол с собой часто, и для чего-то их там прятала. Может быть, действительно как объекты своей веры, – Пятый вздохнул. – Ребята, мы не агенты, это не более чем предположения.

– Они, в принципе, небезосновательны, – кивнул Ит. – Но могу уточнить.

– Валяй, – согласился Фэб.

– Про то, что женщина или девушка могла жить недалеко – согласен. Фигурок действительно много. На счет собаки – тоже согласен. Собака в данном случае – это всего лишь повод оказаться в нужное время в нужном месте. Например, вечером, в наступающей темноте, там, на пойме. И зайти, якобы за убежавшей собакой, туда, где никто не увидит, чем

она занята. А вот на счет веры... она их, по сути дела, хорошила, – Ит на секунду смолк, нахмурился. – Она делала один и тот же символ, и закапывала его в землю. Раз за разом. В нужное нам время, замечу. То есть это ориентировочно наш клиент, и поиск мы ограничим, пожалуй, районом от... ммм... улицы Трофимова, до метро Автозаводская.

– Почему? – не понял Лин.

– А если дальше, то идти неудобно, – пожал плечами Ит. – Фэб, что скажешь?

– Скажу, что в ближайшие дни некоторым предстоит основательно побегать по окрестностям, – хмыкнул Фэб. – Параллельно с нашей работой с «гранями». Думаю, через «гранни» мы установим кандидатов на роль этой девушки или женщины довольно быстро, да и временные рамки у нас теперь гораздо более четкие. Датировка фигурок... Бертик, что там с датировкой?

– На протяжении трех лет их там закапывали, – сообщила Берта. – Это местные установили точно.

– Отлично. Круги сужаются, – кивнул Фэб.

– А почему нитки не сгнили в земле? – спросила Эри. – Они же за столько лет должны были в труху превратиться, наверное.

– Это полиамид, – пояснила Берта. – Мне тоже стало интересно, и я посмотрела, что же это за нитки такие. Они почти не выцвели, не сгнили, но полопались. В общем, так и должно было быть, ведь для них страшнее всего перепады

температуры, всё остальное они переносят весьма неплохо.

– Ага, ясно, – покивала Эри.

– У тебя есть какие-то мысли на этот счет? – спросил Пятый.

– Есть, – Эри отвела взгляд. – Это была очень грустная девушка. У которой, скорее всего, не было друзей.

– Почему ты так решила? – удивилась Берта.

– Ну, хотя бы потому что у неё было время приходить на пойму, и закапывать там этих кукол. Если идешь гулять в компании, ты вряд ли сделаешь такое, – заметила Эри. – А ещё на этих нитках очень интересные узлы. И вот этот шовчик тоже странный.

Ит замер. Скрипач тоже. Они переглянулись, потом приблизили изображение.

– Дебилы, – произнес Кир, который до этого молча сидел в углу. – Три дебила. Нет, четыре. Себя не посчитал. Ну позор, ё-моё... какой позор...

– Вы про что? – не понял Рэд.

– Да про это! – Фэб ткнул пальцем в визуал. – Узнаешь?

– Упс, – только и сказал Рэд.

Потому что на изображении, висящем перед ними, можно было прекрасным образом различить шов.

Классический, отлично им всем знакомый шов Шмидена.

– Это она им так эти сердечки внутрь зашивала? – спросил Саб.

– Видимо, да, – ответил Фэб. – Хорошо. Молодец, Эри.

Спасибо за подсказку.

5

Первая тень

– Да, в теории ты мог бы оказаться прав, она могла и не быть медиком, а этому узлу и шву её кто-то научил, – кивнул Фэб в ответ на вопрос Рэда. – Но присмотришься, пожалуйста, получше, и ты поймешь: нет, она именно что была медиком, она долго тренировалась накладывать такие швы, и здесь эти швы выглядят как символ, а не просто как способ спрятать что-то внутрь фигурки.

– Сложновато прятать, с учетом того, что нитки достаточно плотно намотаны, – заметил Рэд. – Но вообще, да, наверное. Хотя это всё выглядит в достаточной степени странно. Похоже на безумие.

Берта, которая до этого молча сидела в углу их номера, и что-то читала с визуала, смахнула его рукой, и подняла голову.

– Это и есть безумие, – сказала она твердо. – Фэб, помнишь, давным-давно мы на участке, в Борках, нашли пчелу? Которая пыталась строить соты, а потом умерла? Мы потом узнали, что это была так называемая трутовка, неплодотворенная матка. То есть бедная пчела хотела выполнить своё предназначение, но что-то пошло не так, и все её уси-

лия оказались тщетны. Её было очень жаль. Она так старалась, – Берта отвела взгляд. – А теперь давайте на секунду представим, что на месте этой трутовки оказывается человеческое существо. Которое ощущает своё предназначение, а выполнить его не может.

– Помню, – согласно кивнул Фэб. – Да, отчасти это всё напоминает... мысль верная. Что там по «граням»?

– По «граням», вернее, по списку «граней», в этом районе в этот период было несколько сотен девушек, которые либо имели отношение к медицине, либо учились, либо получили соответствующее образование. Разумеется, проверять будем всех, потому что это может оказаться любая из них.

– Всех? Бессмысленно. Давай посмотрим цифровой след, – предложил Фэб. Рэд согласно кивнул. – В то время здесь существовала вполне активная сеть, и многое фиксировалось. Да и сами они, скорее всего, в этой сети присутствовали. Что-то да осталось.

– Что-то, вероятно, осталось, но точно не сведения про кукол, – заметил Рэд. – Про такое никто писать бы не стал. И фотографии делать тоже. Это было нечто тайное, это скрывалось.

– А вот для этого у нас есть два агента, которые успешно притворяются врачами, и два бывших Сэфес, которые в агентов поиграют с большой охотой, – хмыкнул Фэб. – Им будет в радость поработать в поле, честное слово.

– Да знаю я, – Берта кивнула. – На самом деле есть ещё

один момент, который меня насторожил.

– Срок, – тут же понял Фэб. – Три года там, в пойме, кто-то закапывал этих кукол. Только три года. И была какая-то причина, по которой этот некто перестал делать то, что делал.

– Может быть, она отсюда уехала, – предположил Рэд.

– Может, – легко согласилась Берта. – Это мы тоже будем смотреть.

– Они сами себе не верят, – Ит вздохнул, бросил короткий взгляд в окно – машина шла через мост, широкий, пустой, и там, под мостом, можно было в этот момент разглядеть реку. Очень чистую, и очень пустую реку. – Уехала? Как же. Нет, может быть, и уехала, но я не думаю, что причина того, что куклы перестали появляться в пойме, в отъезде той, которая их туда относала.

– Согласен, – отозвался Скрипач. – Да и Берта тоже всё поняла правильно, не просто так она вспомнила ту пчелу.

– Думаю, вы оба правы, – покивал Пятый. – По какой-то причине этой женщины не стало. Так... с наблюдателями обычно именно так и происходило. Мы не любим говорить об этом, но Лена, медсестра, которая, как мы поняли многим позже, была именно наблюдателем, умерла в пятьдесят восемь. Мы оказались для неё непосильной ношей, к сожалению.

– А что именно с ней случилось? – Скрипач повернулся к нему. – Мы не смотрели считки, не спрашивали вас. Нет, есть один момент, где вскользь упоминается могила, но мы по сей день ничего о ней не знаем.

– С ней случились мы, – грустно ответил Лин. – Мы оба с ней случились. И Пятый, с параличом на семь месяцев, с ней случился. После того, как та история закончилась, она... ну, словом, она пыталась выбраться, попробовала выучиться на зубного техника, но хватило её ненадолго. Через пять лет она уехала в монастырь, потом, ещё через несколько лет, приняла постриг, стала зваться сестрой Елизаветой, и... ребята, про это очень сложно говорить, правда. Она, по её словам, все эти годы молилась о нас, и жила, считай, только памятью. Мы были у неё стыдно сказать, сколько раз.

– Четыре раза, – беззвучно произнес Пятый. – А виделись всего трижды. Потому что в последний раз, когда мы сумели к ней вырваться... мы не успели. На полгода опоздали. Там была одна сестра, которая очень ей сочувствовала, она передала нам кое-что, на словах, мы сходили на могилу, и больше мы так уже не бывали. Никогда. Они все умирают рано. По-разному, судя по тому, что мы видим сейчас, но до шестидесяти не дотянула ни одна. А те, что были здесь, оказались в ещё худшем положении, судя по всему. Не думаю, что женщина, которую мы ищем, встретила свой тридцатый день рождения.

– Уверен? – Ит нахмурился. – История, конечно, очень

печальная, но почему ты решил, что она ушла рано?

– А ты не чувствуешь? – спросил Пятый. – Это же в воздухе носится. То, что здесь произошло, а, точнее, не произошло, поставило крест на игре ещё до её начала. Да, Стрелок стрелял, это точно. Но вы же оба понимаете, что история, которая тут не начиналась, по сути, продолжения иметь не могла физически. Материал, да еще и искаженный, был уничтожен зивами на Тингле еще до того, как был извлечен из блоков и активирован. Он умер, не родившись. И что, по-вашему, могло в свете тех событий происходить тут?

– Ничего, – покачал головой Скрипач.

– Именно, – подтвердил Пятый. – Ни-че-го. А если не происходит ничего, то зачем те, которые должны были принимать в чём-то участие, должны существовать? В принципе, зачем?

– Какая-то тотальная безнадега, – Скрипач опустил голову. – Ужасное ощущение. Наверно, гораздо проще жить, когда этого всего не понимаешь и не чувствуешь.

– Они не понимали, – Ит смотрел перед собой отрешенным, пустым взглядом. – Они и не понимали, осознавали лишь, что почему-то не могут нормально жить, и что им чего-то отчаянно не хватает. Как-то это... н-да...

– Ладно, довольно, – попросил Лин. – Ребята, как искать будем? Веер? Сито?

– Веер, – Ит вздохнул. – Всё, как вы любите. Приезжаем, делим район, расходимся. Используем местную систему,

то есть привлекаем Марфу, и пусть дает справки по тем домам, которые нас интересуют. Вы – с вами всё понятно и так. Вы запросто выловите нужные эманации, главное, не тратьте время на дома, которые не подходят по возрасту. Мы – будем искать чуть сложнее, и нам в помощь местные базы и архивы.

– Что-то мне подсказывает, что Фэб с Бертой по цифровому следу найдут её быстрее, – заметил Лин.

– Запросто, – кивнул Ит. – Но если я правильно понял идею, нам будет нужен не только и не столько цифровой след. Всё остальное тоже. В том числе и дом, и локация, и все сведения, которые получится собрать. Иначе мы не поймем то, что хотим понять.

– Угу, – кивнул Пятый. – Дело за малым. Сформулировать окончательно, что же мы всё-таки хотим понять. Потому что по сей день у нас этой формулировки как не было, так и нет. Сплошные домыслы и неоконченные конструкции.

– Увы, – развел руками Ит. – Кажется, подъезжаем. Давайте за сегодняшний день постараемся сделать хотя бы половину объема работы. Нам очень нужна эта зацепка. Если получится сейчас, будет указание и на период времени, и на метод поиска. Так что за дело, дорогие товарищи.

Район, хотя и был зеленым и ухоженным, вызывал почему-то тоску – первым это ощутил Скрипач, который, конечно, тут же спросил Ита, чувствует ли тот нечто похожее – ра-

зумеется, Ит тоже чувствовал, но решил до поры о том, что чувствовал, помалкивать. Не хотел нагнетать, признался он позже, мы все и так какие-то пришибленные, а тут еще и это. Пока бродили по дворам, Скрипач, чтобы отвлечься, попытался снова заговорить о том, «во что же мы ввязались», но Ит попросил его помолчать – в первую очередь, потому что категорически не хотел озвучивать свои мысли на счет происходящего. Ввязались? Ах, если бы только ввязались. В последние дни его всё чаще охватывала какая-то inferнальная глухая безнадега, наваливалась тоска; он силился понять, почему, в чём причина, не находил ответа. Причин не было. Но ощущения были.

– Идти дальше смысла нет, – сказал Скрипач, останавливаясь. Они только что миновали очередной двор, совсем небольшой, образованный четырьмя домами – два жилых, два в процессе восстановления. – Поворачиваем обратно.

– Почему? – рассеянно спросил Ит.

– Слишком далеко от поймы, – пояснил Скрипач. – Не набегаешься с собакой, особенно с учетом того, что женщина была, скорее всего, работающая. Да и Марфа пишет, что дальше интересного мало.

– Согласен, – кивнул Ит. – Что у нас получается в данный момент? Шесть кандидатов?

– Угу, – кивнул Скрипач. – Пока что вроде бы шесть.

– Я бы сказал, что четверо, – покачал головой Ит, выводив визуал. – Двое не подходят по возрасту, слишком молоды.

Вряд ли десятилетняя девочка сама ходила на пойму и прятала фигурки. Так что у нас четверо. Делаем сверку?

– Давай, – согласился Скрипач. – Только можно мы сперва найдем место, где можно отдохнуть и перекурить? Марфа, где тут курят? – спросил он в пространство. – Подскажи, как пройти к разрешенному месту.

– Соседний двор, тот, который вы миновали, – тут же отозвалась система. – Беседка в центре двора. Спасибо, что соблюдаете условия договора.

– Без вопросов, – Скрипач улыбнулся. – Совершенно не хочется загрязнять такой чистый и уютный город, – польстил он.

– До идеала, к сожалению, ещё далеко, – возразила система.

– У вас всё обязательно получится, – заверил Ит. – Марфа, будьте любезны, сделайте нам общую связь. И с той частью команды, которая обходит район, и с теми, кто работает сейчас в гостинице.

– Сделано, – тут же отозвалась система.

Скрипач кивнул. Да, верный ход – те люди, которые следят за их расследованием, сейчас довольны. От них ничего не скрывают. Вроде бы мелочь, но всё равно приятно.

– Лин, Пятый, что у вас? – спросил Ит, когда перед ними повисли два визуала.

– Восемь кандидаток, но у нас большие сомнения на их счёт, – ответил Лин. – По ощущению... как бы сказать

правильно... в общем, наша часть района бесперспективна, здесь никого не было. А у вас что?

– Ориентировочно четверо, – ответил Ит.

– У нас трое, – Берта развернула картинку. – И, да, Ит, это в вашей части района. Вы не слишком устали? Можете вчетвером проверить дома, где жили... эээ... Так. Ольга Зайцева, Варвара Агапова, и Кристина Держиц?

– Сможем, конечно, – кивнул Ит. – У тебя есть что-то на них по цифре?

– Мало, – с досадой ответила Берта. – Больше всего на Ольгу, Кристина в те три года совсем немного отметилась, а Варвара упоминается у кого-то, но не более, собственного следа в «гранях» нет в принципе. На счет Варвары у нас вообще пока что большие сомнения.

– Почему? – спросил Скрипач.

– По некоторым данным она могла быть умственно неполноценной, – Берта вздохнула. – И... она не попала в «грани памяти». То есть попала, но только как упоминание. Есть данные, человек был, родился, рос, жил, учился. Но полноценно в «гранях» не присутствует.

– Почему? – удивился Скрипач.

– Останков нет, не обнаружены. Там какая-то непонятная история. Вот с Кристиной всё более ли менее ясно, к тому же у неё тогда была собака, с которой она вполне могла гулять в пойме, – ответила Берта. – Ирландский сеттер, именно фотографии собаки она и размещала на каком-то ресурсе.

– Ага, то есть версия с собакой сходится, – заметил Лин. – А что на счет Ольги?

– Про Ольгу потом. У нас с Рэдом и Киrom на счет Кристины есть сомнения, – встрял в разговор ФЭб. – Сейчас покажем, поймете. Вот она, глядите. Как вам?

Картинка сменилась – перед ними появилось изображение рыжеволосой девицы, прижимающей к себе двоих детей, двухлетнего мальчика и четырехлетнюю девочку. Вид у девицы был весьма развязный. Слишком рыжие волосы, слишком яркая косметика, слишком смелое декольте, слишком слащавая улыбка.

– Нет, это не наше, – уверенно сказал Пятый. Лин засмеялся. – Это точно не наше.

– Мы так и подумали, – заметил Рэд, передвигая визуал к себе поближе. – Вот Эри, да? А вот это вот... Кристина. Я не собираюсь никого осуждать, но, кажется, разница очевидна.

– А когда она умерла? – спросил вдруг Пятый.

– Она? – Берта отвернулась. – Ой. А она не умерла, оказывается. Она жива по сей день, прошла геронто не так давно. То есть тетка она, видимо, веселая и слегка распушенная, но уж точно не злая, и не подлая. Ещё момент – медиком она не работала, только училась. Закончила первый этап образования, и родила первого ребенка.

– Она живет там же, по старому адресу? – спросил Ит.

– Нет, – покачала головой Берта. – Она живет, как это ни странно, в Китае. Видимо, вышла когда-то замуж, и перееха-

ла. Или сменила работу.

– Ясно. Дом посмотрим, но, по итогам, кандидатов двое. Ольга и Варвара. Кстати, а почему у Кристины нет следа? – спохватился вдруг Скрипач.

– У неё нет следа в тот период, потом следов и информации о ней полно, – ответила Берта. – Но из других мест, и под другим именем. Кажется, она действительно вышла замуж за китайца, потому что дальше она везде Крис Вэй. И дети у неё потом появляются ещё. Уже от другого человека, от второго мужа. В общем, смотрите этих двоих. Зайцеву и Агапову. Вероятно, кто-то из них.

– Что на счет Ольги? – спросил Скрипач.

– Больше похоже на то, что мы ищем, но тоже... как бы сказать... – Берта замялась. – Религия. Она была религиозным фанатиком, все следы – это фотографии из монастырей и храмов. То есть для подобной личности поступки типа тех, которые мы обсуждаем, вряд ли возможны. Куклы – это ритуал, причем мистический. А она...

– Для такого типа личности подобное поведение исключается, – заметил Фэб. – Как минимум, это грех. Если она во что и верила, то уж точно не в то, что олицетворяли фигурки. Нет, дом проверьте, конечно, но, как по мне, это бессмысленно.

– То есть остается одна Варвара, про которую неизвестно практически ничего, кроме того, что она была якобы неполноценной, и о которой остались только упоминания? – уточ-

нил Ит. Берта кивнула. – Ясно. Так, ладно. Мы проверим все три точки, ребята посмотрят, мы тоже, и, видимо, едем домой. Подводить неутешительные итоги.

В двух дворах пробыли минут по пятнадцать – Лин, конечно, сказал, что трёх бы хватило, но Пятый на него цыкнул, и объяснил, что трёх будет мало, лучше подольше, след старый, и не очень понятно, как он вообще выстраивается, этот след, поэтому не стоит жалеть времени для анализа.

Во дворе дома Варвары задержались почти на полчаса. Пятый обошел его, подошел к подъезду, который был указан в поиске, постоял, потом пожал плечами. Лин покивал каким-то своим мыслям, тоже подошел к нему, и с минуту они стояли молча.

– Похоже, что это действительно была она, – сказал Лин, наконец. – Вот только остальное не сходится. Берта! – позвал он. – Ты здесь?

– Да, – отозвалась та. – Что именно не сходится?

– Собаки у неё точно не было, – уверенно произнес Пятый. – Одиночества тут хоть отбавляй, что есть, то есть. И как-то всё смазано. Не поймем, не получается понять.

– Что именно вы не можете понять? – спросил Ит.

– Конкретики нет, – объяснил Пятый. – Здесь ничего невозможно выстроить. Как бы объяснить? У нас с рыжим только одно чёткое ощущение. Неполнота. Или недосказан-

ность, если угодно. Не более.

– Ясно, – Берта на секунду отвернулась. – Что, Фэб? Да? Так, понятно. Ребята, давай домой, Фэб нашел, кажется, что-то интересное.

– То есть они, получается, учились в одном и том же медицинском училище? – спросил Скрипач. Фэб кивнул. – Вот это лихо. Кристина и Варвара, значит. Может, свяжемся с Кристиной, и расспросим её?

– Обязательно, – кивнул Фэб. – Завтра. Сперва попробуем разобраться и систематизировать то, что мы узнали.

– Давай, – согласился Ит.

– Хорошо. Итак, у нас есть первый потенциальный кандидат на мишень Слепого Стрелка. Вот эта девушка, – на визуале возникло лицо. – Варвара Агапова, урожденная жительница Москвы, родилась и выросла в искомом районе, училась в местной школе, закончила девять этапов – тут так назывались классы – потом перешла в направление по медицине, средняя ступень обучения. Училась не сказать, что очень хорошо, но выучилась, и поступила работать в местную же больницу, помощницей хирургической сестры. А вот дальше, – Фэб сделал паузу, – происходит что-то непонятное. Её след в какой-то момент просто исчезает. Больше нет ничего. Ни упоминаний, ни мест работы, ни места захоронения.

– Родственники? – тут же спросил Скрипач. Ит согласно

кивнул.

– Никого, – покачал головой Фэб. – У неё была мать, но упоминания о ней исчезают точно так же, как и о дочери.

– Как корова языком слизнула обеих, – кивнула Берта. – Что интересно, мать тоже была медичкой. И тоже шла по среднему уровню, правда, медсестрой она была палатной.

– И обе куда-то подевались, – подвел итог Кир. – И самое интересное, что Марфа твердит, как попугай, что сведений нет, и ничего больше говорить не желает. Принципиально. У матери Варвары, Софьи, тоже нет захоронения. То есть в этом прекрасном мире, широким шагом идущем в светлое маджентовское будущее, одним махом растворились две тётки, постарше и помоложе. Как вам?

– Шикарно, – хмыкнул Скрипач. – Что делать будем?

– Думать, – Берта осуждающе посмотрела на него. – Будем думать головой. Потому что, дорогие мои, причина их исчезновения просто обязана быть легко объяснимой.

– А она легко объяснима, – вдруг сказала Эри, которая до этого молча сидела в углу комнаты, в кресле, и гладила Шилда, слушая остальных. – Вы какие-то странные все сегодня, ребята. Чего с вами такое?

– Ты про что? – не поняла Берта.

– Война, – пожала плечами Эри. – Здесь была большая война. Другой вопрос – Марфа категорически отказалась давать мне любые подробности. Ни кто с кем воевал, ни из-за чего, ни чем всё закончилось. Вот что она пишет, – Эри

скользнула взглядом по визуалу. – «...позорный эпизод нашей истории. Недопустимые, чудовищные события, унесшие жизни миллионов людей. Упоминание запрещено на законодательном уровне, сведения доступны только для специально подготовленных и допущенных к расследованию специалистов». Так что эти женщины просто погибли на войне. А эта Кристина, как мне кажется, от этой войны удрала в Китай в своё время, – добавила она. – Надо будет попробовать с ней поговорить. Должна же она хоть что-то помнить, верно?

Вечером решили пройтись по центру, немного, просто для удовольствия – хотя, как вскоре стало понятно, удовольствия от прогулки получилось мало. Ит признался, что ему эта прогулка напоминает то ли экскурсию в заброшенном музее, то ли вояж по кладбищу, и с ним согласились все. Тягостное ощущение, ни что не похожее, но от этого не менее неприятное. Может быть, это потом изменится, думал Ит, через сто, или через двести лет, когда уйдет это поколение, осознающее степень своей вины, когда родятся и вырастут новые люди. Люди, которые будут мыслить уже совсем иначе. Для которых война внутри собственного мира будет неприемлема. Для которых важны города, деревья, дома, и важна память. Которые осознают с малолетства всю возможную меру ответственности. Тогда, наверное, тут всё изменится – но то, что они видели сейчас, было бесконечно печально.

Не просто так мы не любим тройки, не просто так, отнюдь. Эти моменты переходов для всех миров более чем болезненны. Это как взросление. Неразумные дети в единицах и большинстве двоек, сумрачные подростки – тройки, молодые, но уже осознающие себя, как должно, четверки, рассудительные пятерки и шестерки, уже взрослые, и много понимающие, и, начиная от миров седьмого уровня – крайне осторожные в суждениях и решениях семерки и восьмерки. И, практически на грани, девятки и десятки, всегда закрытые, изолированные, не контактные, не сотрудничающие. Далеко не все миры достигают подобных уровней развития, их мало. Совсем мало. Старые, мудрые цивилизации, слишком хорошо осознающие сам факт собственной же зыбкости и конечности. А если уже совсем честно – смертности, и, в ряде случаев, невозможности продолжать существование в прежнем качестве.

– Ит, о чем задумался? – спросил Кир. Оказывается, он уже вышли к реке, неподалеку от высотки, и Пятый с Лином и Скрипачом отправились за мороженым, чтобы хоть как-то разбавить тягостное впечатление от прогулки.

– А? Да так, – Ит пожал плечами. – Не люблю тройки.

– Да кто ж их любит, – Кир вздохнул. – Какой-то ты смурной последние дни.

– Есть такое дело, – покивал Ит. – Именно что смурной. Предчувствие у меня нехорошее, если честно. Но почему и откуда, понять не могу. Причин нет, а предчувствие есть.

– Опять ты за старое, – Кир вздохнул. – На счет чего хоть предчувствие, можешь понять?

– В том-то и дело, что нет, – Ит с досадой покачал головой. – Ерунда какая-то, вот честно. Ни откуда, ни почему... а, ну на фиг, – он махнул рукой. – Будем считать, что я просто устал. Два последних года выдались какие-то нервные.

– Значит, устал, – покивал Кир. – О, морожено ташат, – оживился он. – Слушай, ну хоть мороженое местное тебе нравится, а, псих?

– Да нравится мне всё, – Ит умоляюще взглянул на Кира. – И погода, и мороженое, и что первую мишень нашли. Просто предчувствие это... ладно. Всё. Проехали.

– Не должна бы помнить, но, тем не менее, помню, – женщина усмехнулась. Она была моложавая, яркая, но возраст, и немалый, чувствовался – манерность, обороты речи, движения выдавали в ней человека хорошо пожившего, и много повидавшего на своём веку. – Когда вы сказали, я и сама удивилась. Надо же, Варька не пропала из памяти, оказывается. Странно.

– Почему странно? – осторожно спросила Берта.

– Уровень не наш, – женщина дёрнула плечом. – Где были мы, и где это... мышинное семейство.

– Кристина, почему мышинное семейство? – спросила Эри.

– Лучше Крис, – поправила женщина. – Они были бедные.

Но... как бы вам объяснить... бедными люди выглядят очень по-разному. Можно быть бедным, но при этом не быть жалким. Понимаете, о чем я?

– Не очень, – признался Фэб. – Объясните, если вас не затруднит.

– Ну, например, собака. Варька же гуляла с моей собакой, за деньги, – ответила Кристина. Берта коротко глянула на Фэба, но тот в этот момент смотрел на визуал, и взгляда не заметил. – Её наняла моя мама. И вот когда мама с ней расплачивалась, у Варьки был такой вид, словно она у нас эти деньги украла, а не заработала. Глаза в пол, лицо красное, как чужое берет, ей богу. И на учебе она вела себя не лучше, – Кристина поморщилась. – У них с матерью было хобби, они оперу любили. Ездили, слушали, когда получалось. И вот, например, собирается к нам на гастроли какой-то известный оперный певец. Билеты дорогие. Что делает нормальный человек? Попытается заработать, где-то деньги достать, подсуетиться. Что делала Варя? А Варя начала копить. Откладывала обеденные деньги, например. Ходила пешком, десять автобусных остановок. И так далее. А никаких попыток подработать, чтобы получить эти самые деньги, она не делала. Убогое жалкое мышление какое-то, вот честно.

– Но вы же сказали, что она гуляла с вашей собакой, – напомнил Лин. – Значит, она всё-таки подрабатывала, выходит дело?

– Она гуляла с Эльбой только потому что моя мама договорилась с её мамой, – покачала головой Кристина. – Инициатива исходила не от Вари. И даже не от её мамыши, разваренной лапши, такой же, как сама Варька. Мама моя была жалостлива без меры, вот и старалась всем, кому только можно, помочь. Хоть чем. Оттуда и эти прогулки, которые, к слову, меня лично только бесили.

– Почему? – удивился Фэб.

– Да потому что грязные Эльбины лапы мыла я, а не те, кто задумал таскать собаку по грязной пойме, – Кристина вздохнула. – Нет, наша девочка была счастлива, конечно, но большой необходимости с ней гулять по грязи не было. Достаточно было бы и двора.

– Ясно, – кивнул Фэб. – А вы не знаете, что с ней и с её матерью случилось? Мы пытались их разыскать, но ничего не сумели найти. Ни могил, ни упоминаний.

– Война случилась, – голос Кристины потяжелел. – Скорее всего, они были в одном из эпицентров сами понимаете, чего. А после такого, конечно, ничего не останется. Ни могил, ни упоминаний.

– Война была ядерной? – уточнил Фэб.

– Угу, – кивнула Кристина. – Сперва не была, а потом вдруг стала. Но про это запрещено говорить. Я и не буду. А что случилось, могу предположить. И Варька, и её мамыша были патриотки, и когда объявили набор, они пошли. И в результате я сижу тут, и говорю с вами, а они превратились

в ничто. В пепел, в лучшем случае. Там же должен остаться потом пепел, верно?

– Скорее всего, да. Должен. Грустная история, – заметил Фэб. – В любом случае, спасибо, что согласились с нами побеседовать.

– Да не за что, – пожала плечами Кристина.

– Простите, последний вопрос, – вдруг произнесла Берта. – Крис, как вы считаете, от них могло хоть что-то остаться, кроме пепла? Какие-то личные вещи, упоминания, хоть что-то? Или они были настолько закрытыми, что это исключено?

– Вещи? – переспросила Кристина. – Думаю, ничего не осталось. Время тогда было, знаете ли, смутное. Что там, что тут, в Китае. Маловероятно, что кому-то было дело до их вещей. Не до того, знаете ли.

– Ясно, спасибо, – Фэб покивал. – А Варвара не была случайно умственно отсталой? – уточнил он.

– Нет, не была, – покачала головой Кристина. – Но её часто так называли, из-за наушников. Она музыку постоянно слушала, с совершенно обалделым и тупым выражением на лице. Рот открыт, и глаза в разные стороны. Наушники ей, кстати, тоже кто-то подарил, – добавила она. – Сильно устаревшие, но хорошие. Ну, она вроде бы говорила, что хорошие. Ей нравились. В трёх местах изоляцией перемотаны, зато немецкое качество, – Кристина засмеялась. – Вообще, спасибо вам. Вы разбудили мою память, что-то давно я не

вспоминала ни Москву, ни маму, ни юность. А сегодня, пожалуй, устрою себе вечер ностальгии, – она улыбнулась. – Чаем, сладкими пирожками, и просмотрев старых записей.

– Иногда это бывает довольно мило, – Берта улыбнулась. – Спасибо вам за беседу, Крис. Вы нам очень помогли.

– Обращайтесь, – кивнула та. – Если смогу быть чем-то полезной, буду рада.

– Ну, что скажете? – спросил Рэд, когда связь прервали. – Какие будут идеи и предложения?

– Я бы хотел посмотреть генетику, – Фэб задумался. – Вопрос только, как.

– И зачем, – добавила Берта. – Хотя... а знаешь, ты прав. Генетика нам нужна.

– Модель, – озвучил общую мысль Кир. – Загнать в память Альтеи, и выстроить полноценную модель. Поэтому давайте-ка прошерстим от и до генеалогию этого семейства. Не может у них не быть хоть каких-то родственников, пусть и дальних. А остальное уже дело техники.

– Боюсь, местные нас за это по голове не погладят, – заметил Рэд.

– С чего это? – Кир нахмурился. – Мы не воссоздавать кого-то собираемся. Всего лишь посмотреть на человека, каким он был, поискать нужные нам маркеры. Никакого криминала не вижу.

– Это ты не видишь, – Рэд вздохнул. – Ладно. С местным пообщаемся мы с Фэбом, но позже. Давайте искать. Марфа! – позвал он. – Собери нам максимально возможное количество информации по семье Агаповых, часть которой проживала на улице пятая Кожуховская, дом четырнадцать.

6

Тени в коробке

– То есть поиск невозможен? – спросила Берта.

– Поиск невозможен, – подтвердила система. – Вам придется ограничиться общими данными.

– Мы и так пока что ограничиваемся общими данными, но нам нужно найти хотя бы место гибели человека, – резонно заметила Берта.

– Поиск невозможен, – повторила система. – Сожалею.

– Ладно, – сдалась Берта. – В таком случае, этот вопрос снят. Следующий вопрос. Варвара Агапова была зачислена во взвод, медсанчасть номер 318. Где дислоцировалась часть?

– Запрещенная область поиска, – тут же ответила система. – Набор в часть происходил на территории Южного округа Москвы. Последующие этапы перемещения участников событий являются закрытой областью поиска.

– Сдаюсь, – Берта подняла руки. – Спасибо, Марфа. Больше вопросов нет.

– Всегда рада помочь, – ответила система.

Берта привычно активировала отсечку, и сказала в пространство:

– Альтея, что у нас с поиском следов военных действий?

– Выполнено, – тут же ответила Альтея. – Если угодно, могу сделать полную реконструкцию событий.

– Угодно, – кивнула Берта. – А сколько шла война, кстати?

– Четыре года, – Альтея помедлила. – Событие позиционируется как Последняя Глобальная война, после неё войн на планете больше не происходило.

– Вообще? – с интересом спросила Берта.

– Вообще, – подтвердила Альтея.

– Контроль руку приложил, интересно?

– Об этом лучше спросить у Контролирующих, – серьезно ответила Альтея. – Но да, ответ верен. Переход в другой сур, изменение самоидентификации, первый контакт, появление Транспортной сети и Официальной службы. Мир подал запрос на вступление в конклав, сейчас выполняет условия для того, чтобы стать его частью. Условия жесткие. В частности – изменение ряда ключевых для мира парадигм. Неконтролируемый, неразумный, агрессивный сосед в конклаве никому не нужен.

– Само собой, – Берта покивала. – Так, дорогая, вот что. Скинь мне реконструкцию, полностью, и поищи в модели эту самую 318 часть. И побыстрее.

– Сделано, – ответила Альтея. – Взвод 318 был уничтожен.

– Где?

– Локация – Тульская область, места гибели четырех служащих взвода 318 неизвестны, место гибели остальных че-

тырнадцати – полевой госпиталь.

– Альтея, а кто с кем тут воевал в Тульской области? – спросила Берта.

– Русские воевали с китайцами и турками, – ответила Альтея.

– Этот как? – опешила Берта. – Турки и китайцы в Тульской области? Ничего не понимаю.

– Турки, индусы, и китайцы, – невозмутимо уточнила Альтея. – И венгры.

– В Тульской области?..

– Да.

– Офонареть можно, – Берта покачала головой. – Впрочем, нам-то какое дело. Ладно, буду разбираться. Сейчас ребята вернутся, и я их обрадую. Тем, что им предстоит скататься в Тульскую область.

– Эээ... погоди, – скрипач потер виски. – То есть они, получается, лупили по Тульской области тактическим ядерным оружием? Так?

– Так, – подтвердила Берта. – Авиабомбы. Лупили наши, если что. В общем, этот несчастный госпиталь просто стерли с лица земли за компанию со всем, что было вокруг – ах, да, забыла сказать, что госпиталь оказался в окружении, и поэтому попал под раздачу. Скорее всего, либо случайно, либо те, кто отдавал эти приказы, предположили, что живых

там больше никого нет. Вообще, ребята, то, что тут творилось, вне логики, разума, и здравого смысла. Что-то тут такое произошло, что рубилось всё и со всем. Или – все, и со всеми. Какие-то стремительно появляющиеся альянсы, коалиции, союзы, постоянно сменяемая тактика, чёрти что, в общем. Я пока что так и не поняла, откуда в Тульской области возникли китайцы с венграми, но они возникли. Правда, ненадолго.

– Бред какой-то, – покачал головой Ит.

– Так я о чём и говорю, – развела руками Берта. – Но вам придется съездить, видимо.

– Сама Тула-то цела? – с опаской спросил Лин.

– Цела, всё с ней отлично, – заверила Берта. – К счастью, город не пострадал.

– И на том спасибо, – кивнул Ит.

– Берта, вопрос. Эти... ммм... странные события совпадают с временным отрезком, который мы пытаемся изучить сейчас, так? – спросил Пятый. Кир с интересом посмотрел на него, Саб тоже.

– Да, – кивнула Берта. – Думаешь, связано?

– Не исключаю такой возможности, – Пятый задумался. – Конечно, нам пока что это достоверно неизвестно, но не исключено, что Стрелок может являться причиной неких глобальных процессов. Один из которых выглядел, как эта война.

– Спорно, – покачал головой Рэд. – Подобные события

никогда не происходят на пустом месте, без предпосылок, и без сформированной ситуации. Это долгосрочный процесс. Гораздо более долгий, чем тот, который мы сейчас определили для себя как время воздействия Стрелка, в принципе.

– «Мы определили», – Пятый покачал головой. – Именно что мы, Рэд. И мы запросто можем ошибаться. Потому что мы сто раз говорили о том, что звонит некий колокольчик, верно? А что есть звон этого самого колокольчика, как считаете? – он обвел семью взглядом.

– Скорее всего, возникновение потенциального рабочего материала, – начала Эри, но Берта её перебила:

– Возникновение элемента сигнатуры, а именно – передача материала, точнее, материалов. Эри, прости, но ты берешь одно понятие, а здесь работает сразу комплекс. И не понятий, а событий.

– Угу, – кивнул Пятый. – Согласен. Комплекс событий. А теперь давайте вспомним, сколько времени проходит обычно от забора материала, до момента его воссоздания?

– В среднем двенадцать тысяч лет... чёрт, – Рэд нахмурился. – А ведь ты прав. Это весьма большой временной отрезок, особенно если мы говорим о цивилизациях белой зоны первого-второго уровней.

– Именно, – кивнул Пятый. – За такой срок можно перекрыть эту самую цивилизацию от и до, и встроиться её в схему тем образом, который требуется. Или, как вариант, подготовка проведена, но схема не отрабатывается, и система в

результате идёт вразнос. Конечно, это лишь гипотеза, – добавил он, – но исключать стопроцентно воздействие Стрелка я бы не стал.

– Принимается, – кивнула согласно Берта. – Ну что, кто куда?

– Мы в Тулу, – Ит встал, Скрипач поднялся следом. – Делать там будет особенно нечего, но можно попробовать прокатиться. Много времени это не займет, к вечеру вернемся.

– А мы тогда позанимаемся архивом, – Берта тоже встала. – Попробуем поискать что-то, что могло остаться от Варвары здесь, в Москве.

– Бертик, тогда сразу вопрос. Что мы будем делать дальше? – спросил Скрипач. – Нам нужно что-то по генетике, верно? Допустим, мы находим. Или вы находите. Что потом?

– А сам как думаешь? – Берта подняла на него глаза. – Модель. Нам нужна модель, и, как мне кажется, Альтея не откажет нам в такой малости.

Машина шла по скоростной трассе – как только они вышли из города, и встали на эту трассу, скорость возросла до трёх сотен, поэтому дорога, конечно, много времени занять не могла. Первые минуты молчали, смотрели в окна, на пролетающие мимо поля, лесочки, и поселки. Потом Скрипач не выдержал, и произнес:

– Итище, ты воды в рот набрал, что ли? Или говорить ра-

зучился? Эй, ау, первый, первый, я второй, приём.

– Думаю, рыжий. Пытаюсь это всё как-то уложить в голову, – признался Ит. – Жаль, что тебя не было тогда с нами... ну, когда шел эксперимент с братьями Фламма.

– Почему? – Скрипач нахмурился.

– Там было летное поле, – Ит прикрыл глаза, вспоминая. – Огромное, старое, заброшенное летное поле. И вышка, где прятали свои секреты братья.

– А, та самая, возле которой они тебя едва не грохнули, – заметил Скрипач. Ит кивнул.

– Да, та самая. Я тоже туда поднимался, и, знаешь, находясь там, на высоте, можно было, пусть и с трудом, но различить границы этого самого поля. А сейчас... я не понимаю, куда нам нужно залезть, чтобы увидеть границы того, что мы пытаемся осознать.

– В локации «Лес», во времена Альтеи, можно было залезть на сосну, чтобы осмотреться, – Скрипач хмыкнул. – А это всё... ну да. Ты прав. Ни вышки, ни сосны у нас нет, и не предвидится, кажется. Разве что Альтея что-то придумает с моделью.

– Хорошо бы, – Ит отвернулся, и снова уставился в окно. – А они молодцы, местные, – заметил он. – Всё очень чистенько и красиво. И рационально. Заметил, какая дорога?

– Ещё бы не заметил, – Скрипач улыбнулся. – Бионика. Уже, видать, договорились с зивами, раз смогли такие дороги себе позволить.

– Это, кстати, мысль, – Ит снова повернулся к нему. – Если зивы есть везде, то, может быть, стоит хотя бы попробовать попросить подсказку.

– Как? – Скрипач усмехнулся. – Выйти в поле и заорать что-то типа – нам нужна консультация?

– Почему бы нет, – пожал плечами Ит. – Полей тут предостаточно. Равно как и лесов.

– «Как жену чужую обнимал березку», – процитировал Есенина Скрипач. – Боюсь, Бертик нас за такое по головам не погладит, но если надо для дела...

– Ой, ну тебя, – Ит с досадой поморщился. – На счет зивов подумаем, конечно. Вот только если ты помнишь, они в мирах, подобных этому – тень от тени. И вряд ли способны на диалог. Я предложил только потому, что вспомнил о нашем с ними старом разговоре, но мы с тобой слишком хорошо знаем, что они такое. Поэтому попробовать можно, но на успех я особо не рассчитываю.

– Как знать, – Скрипач посерьезнел. – Наверное, ты прав. И в том, что стоит попробовать, и в том, что ответа мы, с высокой долей вероятности, не получим. Подумаем. На войне все средства хороши.

– Ах, если бы это была война, – вздохнул Ит. – Хотя про средства ты заметил верно.

Для того, чтобы получить доступ, сперва долго ругались

с Марфой, а потом потратили целых полчаса на то, чтобы убедить сотрудницу архива, что у них действительно есть доступ, пусть и ограниченный. Самостоятельно, конечно, не убедили, но на связь очень вовремя вышла та самая переговорщица, с которой беседовали о сотрудничестве несколько дней назад, и доступ они всё-таки получили – после этого сотрудница подобрела, и пригласила их в запасник, впрочем, весьма и весьма скромный.

– Понимаете, эти темы... они действительно запрещены к обсуждению, – извинялась она. – Да и осталось совсем немного. Тот взвод – просто стыдно говорить. Всего несколько предметов, из базового лагеря. Личные вещи, которые не забрали родные. Хотя их тоже можно понять, не все хотят держать дома такие напоминания.

Нужный стеллаж выехал из стойки, и подкатился к ним. Сотрудница сняла с верхней полки объёмистую, но явно очень легкую коробку, и поставила на стол. Включила дополнительное освещение, открыла коробку, и отступила от стола на шаг.

– Смотрите, – предложила она. – К сожалению, это всё.
– А люди? – спросил Скрипач. – Их... они похоронены?
– Не все, к сожалению. Четверо пропали без вести, скорее всего, находились в зоне взрыва. Радует только то, что их смерть была очень быстрой. Их искали, уже потом, разумеется, как и всех. Искали до начала работы с зоной, во время деактивации, но – увы. Не нашли вообще ничего. И не толь-

ко их, – добавила она. – Воюющих с другой стороны тоже не нашли. Никого.

– Ясно, – кивнул Скрипач. – Спасибо, в любом случае.

Каждый предмет, находившийся в коробке, лежал в своем отдельном прозрачном боксе, снабженным инфором. Когда Скрипач протянул руку к одному из боксов, инфор ожил, засветился, и над боксом повисла светящаяся же табличка.

– «Фрагмент подошвы обуви, пяточная часть, левая нога. Принадлежал военврачу взвода 318, старшему лейтенанту Сергею Игнатову. Обнаружен в точке 22689/06, идентифицирован по генной карте». Ага, ясно. Можно, мы посмотрим другие предметы? – спросил он.

– Разумеется, у вас ведь есть разрешение, – пожалла плечами женщина.

Ит подошел к Скрипачу, и они вместе принялись разглядывать содержимое коробки. Да, негусто. И как-то это всё очень безнадежно выглядит. Горьчайшая несправедливость, когда от человека, вовсе еще не старого, умного, делающего хорошее, доброе дело, остается лишь обгорелый обрывок одежды, подметка, или...

– Так, – сказал Ит. – Рыжий, кажется, мы нашли.

«Фрагмент амбушюра, правый наушник. Принадлежал рядовой взвода 318, медсестре Варваре Агаповой. Обнаружен в точке 22689/10, идентифицирован по генной карте».

– Простите, тут сказано, что этот фрагмент идентифицирован по генной карте, – Ит повернулся к женщине. – То есть

на фрагменте был материал?

– Да, волос, – кивнула женщина. – Иначе как бы они тогда определили?

– Очень интересно, – хмыкнул Скрипач. – А нам сказали, что её генного материала нет.

– Вы спрашивали в общем доступе, по всей видимости. Но этот раздел вне доступа. Да, код сохранился, но он, во-первых, в закрытом разделе, и, во-вторых, поврежден, поэтому...

– Поэтому мы сейчас свяжемся с нашим куратором, и вы, если она позволит, передадите нам тот фрагмент кода, который у вас есть, – сказал Ит твердо. – Клянусь вам чем угодно, ничего противозаконного и зазорного в нашей просьбе нет. Всю информацию вам предоставят.

– Хорошо, – женщина улыбнулась. – Как скажете. Честно говоря, – она немного понизила голос, – я была бы только рада, если бы у тех, кто попал тогда... в это всё... появились хотя бы могилы. Даже не могилы, нет. Символы. Просто чтобы они остались в истории не только тенью в этой коробке.

– Превосходно, – Фэб потер руки. – Просто превосходно! Вы молодцы. По сути, вы нашли Варвару.

– Да мы особо и не искали, – хмыкнул Скрипач. – Подумаешь, прокатились туда-сюда. Кстати, неплохо перекусили, пока ждали решение. Очень лукавая планетка, тебе так не

кажется?

– Кажется, – согласился Фэб. – Будто мы где-то видели не лукавые. Ладно, неважно. В общем, Альтея сделает модель, и мы попробуем с этой моделью пообщаться. Данных не так уж и мало получается, и это мы ещё не всё собрали. Так что завтра, по всей видимости, будет первый пробный запуск.

– Что еще осталось собрать? – спросил Ит.

Сейчас они, по своему обыкновению, сидели в курилке на бульваре. Вечерело, с юга потянулись низкие серые облака – Марфа сообщила, что ночью планируется сильный дождь, для помощи деревьям, первый большой пролив после зимы. До дождя, однако, было ещё далеко, он начнется в одиннадцать вечера, а сейчас всего восемь. Ит и Скрипач курили, а Фэб попивал из высокого органического стакана какой-то приятно пахнущий сок – Скрипач, конечно, поинтересовался, где такой берут, потому что ему тоже захотелось попробовать.

– Осталось еще раз пройти окрестности, это сейчас делают девушки и Лин с Пятым, осталось проверить два учебных заведения, точнее, их архивы, и осталось проверить больницу, где работали и мать, и дочь, – ответил Фэб. – Сведений оттуда получится самый минимум, но для структуры личности в модели важно всё.

– Только не надо это показывать местным, – Ит серьезно глянул на Фэба. – Сюда модель не выносим, верно? Только на Альтее, и только напрямую.

– Согласен, – кивнул Фэб. – Берта и Эри выразили желание попробовать пообщаться, поэтому завтра они вернутся на «Сансет», и пару дней поработают там. Если предположение подтвердится, и Варвара окажется в пределах мишени Стрелка уже точно, начинаем искать другие интеграции, основываясь на первой попытке. Поиск будет в разы проще, потому что появятся четкие временные рамки.

– Логично, – покивал Ит. – Всё верно. Фэб, какие у тебя мысли по поводу «принцессы»?

– Здесь? – Фэб задумался. – Я не уверен, как уже не раз говорил. Как в старом анекдоте про встречу с динозавром. Сомневаюсь, но искать будем.

– Слушай, а что нам мешает прямо сейчас запустить поиск по внешности на этот временной период? – резонно спросил Ит. – Фэб, мы ничего не теряем. Хотя не так, не совсем верно. Мы теряем время. А можем не терять.

– Давай уже завтра, когда подтвердим, – попросил Фэб. – Ит, не гони так. Пожалуйста. Сегодня получилось удачно, находка очень важная, но я тебя прошу, не надо торопиться. Давай будем последовательны.

– Ладно, – сдался Ит. – Хотя что в этом непоследовательного, я не понимаю.

– Жену спроси, – предложил Фэб. – Вон они, кстати, идут.

– И с этим вкусным соком, – Скрипач встал. – Ит, тебе взять? Я схожу.

– Всем возьми, – решил Ит. – Фэб, ты уже допил? Ну и

вот. Ну и возьми всем.

– Давайте подведем итог, – Берта обвела всех взглядом. – Пятый, не стой у двери, сядь, а? Так говорить будет неудобно.

– Интересный какой итог, – заметил Скрипач. – Правда, сядь, чего ты стоишь?

– Потому что сесть некуда, – резонно заметил Пятый. – Сейчас стул принесу из нашего номера.

– Надо было на бульваре совещаться, – заметил Рэд. – Номер и впрямь маловат.

– Неси стул, и давайте заниматься делом, – приказала Берта. – Итак. Наш первый кандидат на роль интеграции Слепого стрелка – это Варвара Агапова, медсестра, погибшая в возрасте двадцати восьми лет под Тулой, в результате военных действий.

– Ты умеешь в канцелярит, родная, – вставил Скрипач. – Но тут у тебя что-то не очень ладится. Может, как-то попроще?

Берта показала ему кулак, Скрипач, сдаваясь, поднял руки.

– Можно и попроще. Судя по весьма небольшому количеству свидетельств, в частности, по рассказу Крис, у нас получается весьма скромная и в какой-то степени печальная картинка. Бедная семья, неполная – упоминаний об отце нет

вообще, ни в каком виде, довольно строгая и авторитарная мать, низкий уровень жизни. Девушка в результате выросла классической «гаммой»: забитая, мало кому интересная, скромная, стеснительная. Ничем себя не проявляла. Кроме того, она была скрытной, куклы – тому доказательство. О них, кажется, не знал вообще никто. Внешне... смотрите сами, – Берта вывела визуал. – Тщательный поиск дал всего полтора десятка изображений, причем большая часть была весьма низкого качества. И вот что получилось в итоге.

Девушка на визуале и впрямь выглядела скромно, и внешностью обладала самой непримечательной. Некрасивая, сутулая, небольшого роста; волосы русого цвета, длинные, заплетенные в косу, но коса выглядела тонкой, то есть волосы у Варвары были так себе, отнюдь не густые. Лицо – никакое. Просто никакое. Невыразительные маленькие глаза, близко посаженные, низкий лоб, блеклые брови, губы ничтожкой. Фигура тоже подкачала: короткие ноги, маленькая грудь, талии, считай, практически нет. Полновата, видимо, тут причина в питании – откуда у бедной семьи деньги на хорошее мясо и овощи? Сплошные углеводы. В том числе – сладкое, чтобы хоть чем-то поднять настроение.

– Очень грустно, – озвучила общую мысль Эри. – Но при этом, как мне кажется, что-то в ней всё-таки есть.

– То есть ты стопроцентно уверена, что она могла бы стать наблюдателем? – спросил Кир.

– Не знаю, – покачала головой Эри. – Вроде бы всё ука-

зывает сейчас на неё, но... не знаю. Правда. А что вы скажете? – она повернулась к Лину и Пятому.

– Что-то ощущается, но как-то иначе, не так, как это было с Леной или с тобой, – ответил Лин. – Она другая. Какая – пока что неясно. Эри, а вы обе уверены, что идти говорить с моделью нужно именно вам? – спросил он. – Может быть, лучше будет попробовать нам двоим?

– Не знаю, – Эри пожала плечами. – Бертик, что скажешь?

– Тоже не знаю, – ответила та. – Но мне кажется, что нам общий язык с ней будет найти всё-таки проще, чем всем другим. Так что давайте попробуем мы. Если не получится, зайдете вы двое.

– Или мы, – добавил Скрипач.

– Да, или вы, – согласилась Берта. – Ещё какие-то вопросы есть?

– На сегодня точно нет, – покачал головой Кир. – Разве что про ужин. Куда пойдём?

– Здесь поедим, – Берта вздохнула. – Если честно, мне не очень приятно гулять по этому городу.

– Не только тебе, – согласно кивнул Рэд. – Здесь, значит здесь. Решено.

– Знаешь, что это всё мне напоминает? – спросил Ит. Фэб отрицательно покачал головой.

– О чём ты? – спросил он. – Какой-то странный получился

вопрос. Без темы.

– Ну почему же, – Ит поднял голову. – Я имею в виду ситуацию в целом. Мы пришли сюда, верно? И начали делать что-то не совсем этичное. То есть, если вдуматься, совсем неэтичное. Эта несчастная девушка... она плохо жила, и совсем рано погибла. Причем не очень хорошо погибла, если учесть, что от неё на этом свете осталась только деталь от наушника. Знаешь, Фэб, это всё напоминает вскрытие. Секцию. Человек умер, разрешения на вскрытие он не давал, а мы... – Ит осекся, поморщился, словно от горького, но всё-таки продолжил, – а мы приперлись, разворотили ему грудную клетку, и полезли смотреть, что там и как.

– Ит, ты же понимаешь, что это нужно для дела. Что идет очень большая и серьезная игра, в которой...

– Да всё я понимаю! – Ит швырнул недокуренную сигарету в проезжавшую мимо него пепельницу, и тут же вытащил из пачки новую. – Но от этого понимания не легче. Равно как и от осознания того факта, что мы подарили им кусок «Сансета», и для чего? Для того чтобы дать им возможность кого-то ограбить, и тем самым обеспечить себе свободу действий – здесь. Фэб, это всё отдает какой-то гнилью. Гнилью и тленом. Ты отлично знаешь, что я был двумя руками «за», когда мы решили это всё делать, но сейчас – я начал сомневаться в том, что мы поступили правильно.

– А как надо было поступить? – Фэб тоже вытащил сигарету, но прикуривать не стал, он просто вертел сигарету в

пальцах. – Отдать всё на откуп Ри, первому и единственному, пустить всё на самотёк, и будь, что будет? Так?

– Нет, – покачал головой Ит. – Могли бы продолжить работать на Окисте. Тема перспективная, и, вполне возможно, мы бы добились ничуть не худших результатов. Со временем.

– Именно что со временем, – заметил Фэб. – А времени у нас как раз и нет, если ты не забыл. Время у нас очень сильно ограничено. Вообще, хорошо, что тебя, кроме меня, сейчас никто не слышал, – добавил он. – Ты бы их очень сильно огорчил.

– Никто ничего и не услышит, – Ит отвернулся. – Это тебе я могу сказать о подобных вещах, но никак не остальным. Хотя, мне кажется, кое-кто тоже ощущает примерно то же самое.

– И кто же? – спросил Фэб, хотя ответ был и так ясен.

– Пятый с Лином. Скрипач. Эри. Но я могу и ошибаться, конечно.

– Эри? О, нет, – покачал головой Фэб. – Ни она, ни Берта не чувствуют ничего подобного. Сэфес да, возможно. Рыжий... не исключено. Знаешь, давай договоримся так: терпишь, сколько получится, если станет совсем уже невозможно, сворачиваем программу, и уходим, – предложил Фэб.

– Да как же, – невесело усмехнулся Ит. – Никуда мы не уйдем. Будем работать, раз начали. Тут и обсуждать нечего. Потерплю, не развалюсь.

– Хорошо, – согласился Фэб. – Ну что, пошли в гостиницу?

– Не очень хочется, – признался Ит. – Я бы ещё посидел. Если честно, меня слегка достали эти бесконечные обсуждения.

– А чем мы сейчас, по-твоему, занимались? – усмехнулся Фэб.

– Ну, вообще, да, ты прав. Именно этим и занимались, – Ит покивал. – Слушай, у меня будет просьба... немного странная...

– Ты о чем?

– Что бы ни случилось, не опускай руки, – беззвучно произнес Ит. Произнес, и удивился – откуда у него сейчас возникли эти слова? Вроде бы собирался сказать что-то совсем другое, и на тебе. Почему?

– Что может случиться? – Фэб посерьезнел. – Давай по порядку. Эта итерация, по сути, мертва. Потому что мертвы, и находятся на Берегу, те, кто являлся её частью. Все наблюдатели тоже мертвы, я больше чем в этом уверен, и происшедшее с Варварой это лишний раз доказывает. Поэтому любой форс-мажор с этой стороны я исключаю. И Берта тоже. И Рэд. И все остальные, ты в том числе. Мы уже проговоривали этот момент.

– А как на счёт вмешательства его величества Ри Архэ первого и единственного? – прищурился Ит. – Сто против одного, что по нашему следу идут, и, вполне вероятно, при-

дут. И найдут. У меня нет уверенности, что он не вмешается.

– Хорошо, – очень серьезно кивнул Фэб. – Да, это исключить нельзя. Стопроцентно нельзя. Но давай всё-таки не впадать в пессимизм, а рассуждать логически. Пока что нет никаких оснований и предпосылок к тому, что он появится в ближайшее время. Будем надеяться, что и в дальнейшем они не появятся. Поэтому берем себя в руки, и продолжаем делать ту работу, за которую взялись.

– Разумеется, – кивнул Ит. – Это само собой. Просто запомни, что я тебе сказал, ладно? Обещаешь?

– Обещаю, конечно. А теперь пойдем всё-таки к остальным, девчонки сейчас собираются на «Сансет», и я больше чем уверен в том, что у Берты для нас найдется немало ценных указаний, – заметил Фэб. – Не будем её огорчать своим отсутствием. Идём.

Фэб оказался абсолютно прав. Берта и Эри, которым предстояло утром улететь на корабль, развили настолько бурную деятельность, что остающимся быстро стало понятно: провести пару дней в покое не удастся. Никак. При всём желании. Потому что надо:

– проверить порталы, три портала; работать в синхроне, всё передать местным

– отработать первый этап темы «принцесса», а именно – провести углубленный поиск клонов Джессики, и, желатель-

но, не только в открытом разделе «граней памяти»

– связаться с местными, и обсудить результаты данного этапа; переговорщики – Фэб и Рэд, разумеется

– во время переговоров сделать акцент на деле Варвары Агаповой, предложить увековечить память погибшей медсестры, если потребуется – заплатить за это, сколько требуется

– продолжить поиск наблюдателей по мишени «двое», потому что Варвара точно была не одна

– ну, и что будет еще из текущего, сами решите, по ходу дела

Во время Бертиной речи слушатели сперва переглядывались заинтересованно, а потом начали переглядываться обреченно, и, после того, как Берта, наконец, смолкла, Кир осторожно спросил:

– Маленькая, а не слишком оно получается... того? Успеем?

– Вас восемь, – ледяным голосом произнесла Берта. – Кирушка, вас – восемь. И у вас двое суток. Поэтому ноги в руки, и вперед. Никто не обещал, что будет легко. У нас меньше полутора месяцев, ау. Ни о чем не говорит?

– Ладно, хорошо, – недовольно произнес Кир. – Уломала. Кстати, у меня идея.

– Какая? – живо спросила Берта.

– Связки с порталами, – Кир сел поудобнее. – Агапова имела связь с порталом в пойме, верно? Интуитивно. Пред-

лагаю ввести в условия поиска для местной системы дополнительный параметр.

– Мы уже про это говорили...

– Дослушай, – приказал Кир. – Нет, не ту связку, которую мы все имели в виду. Опосредованную связку. Если информации о человеке больше, чем о Варваре, после него вполне могли сохраниться, например, фотографии, видео, ещё что-то, сделанное в локации какого-то портала. Вспомни наши семейные фото у высотки, дома.

– Притянуто за уши, но мы ничего не потеряем, если введем параметр, так что делай, – согласилась Берта. – В общем, мы в шесть утра стартуем, а вы – действуете по списку. И попробуйте только что-то не выполнить.

– А что будет? – с опаской поинтересовался Скрипач.

– Тут, милый мой, идет борьба за идеальную экологическую обстановку. И во дворе гостиницы, у забора, прорастает хороший такой куст крапивы, – ехидно ответила Берта. – Думаю, мне позволят оторвать от этого куста пару-тройку стеблей, и...

– Жестокая ты какая, – грустно произнес Скрипач. – Ладно. Сделаем. Нам не привыкать.

– Вот и славно, – Берта улыбнулась. – Ладно, мужики, без обид. Серьезно. Время поджидает, местные от нас не в восторге, а отработать надо. Поэтому придется поднапрячься. Сами знаете, ради чего мы это всё делаем.

7

Белый туман

– Погоди, объясни толком, – Рэд, нахмурившись, смотрел на визуал, точнее, на Эри – та выглядела растерянной и огорченной. – Альтея модель сделала, или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.